

III

ПРОВЕРКА ДОСТОВЕРНОСТИ СОДЕРЖАНИЯ АКТОВ

Если в предыдущей части мы стремились показать, какие широкие возможности для исторических построений открываются в результате систематического исследования эволюции актовых *dispositio*, то в настоящей части постановка вопроса имеет до известной степени противоположный характер: насколько можно доверять прямым свидетельствам нарративного раздела актов? В какой-то мере проблема сводится к выяснению того, что дает нам более достоверный материал: систематическое наблюдение над развитием внутренней формы (формуляра) актов, т. е. как бы зашифрованная речь источника, или прямое черпание фактических данных, сообщаемых источником?

Как уже говорилось, изучение содержания вообще и проверка его достоверности в частности могут быть наиболее полными в рамках исследования определенной проблемы, поскольку такое исследование предполагает максимальную мобилизацию источников по теме. В качестве проблемы, представляющей историко-дипломатический интерес, мы берем спорный в литературе вопрос об отмене тарханов в 1575/76 г., при великом князе Симеоне Бекбулатовиче¹.

¹ См.: Е. А. Белов. Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. СПб., 1886, стр. 113—114; С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891, стр. 76—81; В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси». — «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 149—150; он же. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — «Вопросы истории», 1967, № 5, стр. 47—48; Г. В. Вернадский. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович. — «To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday», vol. III. The Hague — Paris, 1967, p. 2144—2145; Н. И. Павленко. К истории земских соборов XVI века. — «Вопросы истории», 1968, № 5, стр. 98—100 (см. также ниже, прим. 2).

Нужно выяснить, есть ли в источниках данные, позволяющие вполне уверенно утверждать, что в 1575/76 г. состоялась отмена тарханов вследствие неподписания их на имя нового великого князя — Симеона или — в конце 1576 г. — Ивана IV.

Исследуя нарративную часть жалованных грамот, автор стремится расшифровать и конкретизировать сделанные в большинстве случаев в общей форме ссылки грамот на старые грамоты; сопоставить содержание *narratio* новых грамот с *dispositio* предшествующих грамот, чтобы выяснить юридическую основательность жалоб и притязаний; сравнить диспозитивные части новой и старых грамот для установления того, насколько считалось правительство со старыми грамотами в момент выдачи новых; отделить индивидуальные черты *narratio* грамоты от общей редакции, по которой строились *narratio* ряда грамот; дать логическую критику описаний, не поддающихся точной текстологической оценке или проверке по другим источникам.

В настоящей работе, поскольку она имеет методическое значение, ограничимся рассмотрением наиболее яркого материала. Таковым, с нашей точки зрения, являются кирилловские и троицкие грамоты².

Эти грамоты дают возможность, наряду с логической критикой текста, широко развернуть текстологическую работу по выяснению генетических связей между актами и тем самым с известной основательностью решить вопрос о недостающих звеньях в сохранившейся цепи последовательно сменявших друг друга грамот. Как и в предыдущей части, мы не ставим здесь в полной мере вопрос о политических причинах выдачи иммунитетных грамот, хотя его и приходится попутно решать в ряде случаев. Однако такой подход вызван лишь характером исследования и отнюдь не означает отказа от тезиса о политических причинах выдачи иммунитетных грамот.

² Разбор других грамот см.: С. М. Каштанов. Грамоты Московского Симонова монастыря как источник для изучения вопроса об отмене тарханов в 1575/76 г. — «Исследования по отечественному источниковедению». Сборник статей, посвященных 75-летию С. Н. Валка. М. — Л., 1964, стр. 499—503; он же. К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 г. — «Исторические записки», кн. 77, 1965, стр. 209—211, 224—235; он же. Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела». — «Исторические записки», кн. 82, 1968, стр. 243—272.

КИРИЛЛОВСКИЕ ГРАМОТЫ

§ 1. Общие грамоты 1577 г. и их источники

Коснемся сначала двух жалованных грамот 1577 г. Кирилло-Белозерскому монастырю, которые были выданы 9 и 11 марта³ на весь комплекс монастырских владений в 11 уездах. Грамоты в одинаковых выражениях излагают повод к их выдаче: «Наша деи жалованная тарханная грамота у них на всю вотчину... и родовые деи приказщики и всякие наши пошлинные люди на них и на их на монастырских крестьянех и на слугах с их монастырских вотчин наши всякие подати и посохи емлют через нашу жалованную грамоту силно, а нашу деи у них прежнюю жалованную грамоту рудят, а прошают деи у них наших жалованных грамот ежегод, и от того деи их монастырская вотчина и достал пустеет». Приведенный текст не дает решительно никаких оснований считать нарушение жалованной грамоты следствием неподписания ее на имя Симеона или Ивана IV в 1576 г. Цитируемые документы вообще умалчивают о юридических мотивах нарушения тарханной грамоты, да и самую грамоту называют очень глухо: ясно только, что здесь имеется в виду общая тарханная грамота Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю («наша... на всю вотчину»).

Среди известных нам иммунитетных жалованных грамот Ивана IV 1534 г. — января 1577 г. Кирилло-Белозерскому монастырю «тарханной... на всю вотчину» мы вправе считать только грамоту от 19 марта 1548 г., которая была выдана игумену Афанасию на села, деревни, дворы на посадах в Белозерском, Вологодском, Углицком, Дмитровском уездах «и иных городех»⁴. Остальные жалованные грамоты, закреплявшие им-

³ П. А. Садилов. Из истории опричнины. Приложение, № 72 и 73. — «Исторический архив», т. III. М. — Л., 1940.

⁴ ЛОИИ, Собр. Шегрена, № 6; ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № АИ/47, лл. 78—81 об.

мунитетную изолированность кирилловских владений, касались в указанный отрезок времени — каждая — одного-двух уездов⁵. Такое же локальное значение имеют и сохранившиеся указные грамоты об иммунитете монастыря⁶.

Сличение текста двух рассматриваемых жалованных грамот 1577 г. (грамоты тождественны по содержанию, хотя и даны на земли в двух разных группах уездов) с текстом грамоты 1548 г. показывает, что в основе иммунитетной части грамот 1577 г. лежал текст 1548 г., существенно дополненный и в некоторых разделах заметно переработанный⁷.

Формуляр мартовской грамоты 1548 г. является дословным повторением формуляра мартовской грамоты 1547 г. на села Кирилло-Белозерского монастыря Куралгино и Семешково в Дмитровском уезде⁸. В основе грамоты от 13 сентября 1548 г. на дмитровское село Куликово⁹ лежит этот же формуляр, только несколько сокращенный в плане ограничения налогового иммунитета (изъятия освобождения от мыта и тамги, явки, пятенного, свадебного, постоя бобровников; в первое постановление о делах введено обязательство исполнять городовые дела; второе постановление о делах заново отредактировано: «никоторых тех моих дел не делают, которые в сей грамоте писаны»). Грамота от 30 декабря 1576 г. на дмитровские села Куликово и Вертлинское¹⁰ возвращается от формуляра сентябрьской грамоты 1548 г. на с. Куликово к формуляру мартовских грамот 1547 г. и 1548 г. В ней мы видим все постановления податного раздела этих грамот, кроме формулы о костках, и несколько добавлений. После первого постановления о делах сказано: «и хором на ямах не ставят, ни посох не дают, ни прибылых кормов про татар и про немец не дают». Кроме того, первое освобождение от «пошлин»

⁵ ХП, I, № 311, 391, 462, 536, 582, 592; ХП, II, № 597, 680, 689, 748, 789, 818, 919, 924, 934, 1006, 1008.

⁶ ХП, I, № 480, 505, 506; ХП, II, № 709—711, 749, 763, 790, 791, 834, 835, 837, 855, 896, 920, 925, 929, 961, 997, 1010, 1015.

⁷ С. М. Каштанов. К вопросу об отмене тарханов, стр. 213.

⁸ ГПБ, Q—IV—1136, стр. 727—732.

⁹ Там же, стр. 707—712.

¹⁰ ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № АИ/47, лл. 210 об.— 214.

имеет в грамоте 1576 г. ограничение: «не надобе моя никоторая пошлина, опричь их приметных денег».

С точки зрения истории формуляра грамота 1576 г. является промежуточным звеном между общей грамотой 1548 г. и общими грамотами 1577 г.: уже в ней нет освобождения от косток (как и в грамотах 1577 г.), а ее новые по сравнению с грамотами 1547—1548 гг. постановления близки к соответствующим постановлениям грамот 1577 г. В то же время грамоты 1577 г. в формулировке первого освобождения от «пошлин» следуют грамотам 1547—1548 гг., а не грамоте 1576 г. Но если грамота 1576 г. целиком базируется на формуляре 1547—1548 гг., то в грамоты 1577 г. он входит только как составная часть. Особенно ясно это принципиальное различие грамот 1576 и 1577 гг. видно при сличении постановлений, отменяющих косьбу сена: грамота 1576 г. идет за формулой грамот 1547—1548 гг. («лугов моих не косят»), грамоты 1577 г. употребляют терминологию иной традиции («сен...»). Грамота 1576 г., конечно, не была источником новых постановлений в грамотах 1577 г. Можно полагать лишь, что при создании грамот 1577 г. она привлекалась для некоторой корректировки заимствований из общей грамоты 1548 г. Целый ряд новых постановлений мартовских грамот 1577 г. находим уже в грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю от 31 января 1577 г. на сельца Бережное и Кабачино Белозерского уезда¹¹.

В указной грамоте Симеона Бекбулатовича, посланной 2 апреля 1576 г. белозерскому городовому приказчику, сказано: «...И ты б Кирилова монастыря крестьяном к ямчюжным онбаром земли и дров возити не велел и к ямчюжному делу целовальников не выбирал, потому что их государь князь Иван Васильевич Московской пожаловал, оторханил Кирилова монастыря вотчину ото всяких податей»¹².

Иван IV «оторханил» кирилловскую вотчину, по-видимому, в какой-то не дошедшей до нас грамоте конца 1575 — начала 1576 г. (до апреля), когда он носил титул Ивана Московского. В мартовских грамотах 1577 г. есть постановления, весьма близкие к содержанию пожа-

лования, заключенного в указной грамоте Симеона (от слов «и к емчюжному делу» до слов «ни извести не возят»), и хотя тут нет полного тождества формулировок, эти постановления можно считать тождественными по существу. Означает ли это совпадение, что в основе отмеченных постановлений грамот марта 1577 г. и грамоты Симеона 1576 г. лежал общий источник — грамота Ивана Московского 1575/76 г.?

Обратим внимание на жалованные грамоты, стоящие хронологически между несохранившейся тарханной грамотой 1575/76 г. и новыми общими тарханскими грамотами марта 1577 г. Мы имеем в виду тарханную грамоту от 6 января 1577 г. на кирилловские владения в Поморье¹³ и тарханную грамоту от 31 января 1577 г. на подмонастырные вотчины Белозерского уезда (сельца Бережное и Кабачино с деревнями)¹⁴.

Начальные постановления этих грамот близки между собой.

Грамота от 6 января 1577 г.	Грамота от 31 января 1577 г.
1) моя никоторая пошлина,	1) дань,
2) ни ямские,	2) ямские,
3) ни приметные,	4) ни примет,
4) ни оброчные деньги,	3) и полонянничные деньги,
5) ни тамга,	
6) ни замытные деньги,	
7) ни осминничьи,	
8) ни пососных людей не дают.	5) ни пососная служба.

Далее формуляры расходятся, хотя в некоторых частях затем снова совпадают. Грамота от 6 января ближе к грамотам 1547—1548 гг., грамота от 31 января — к грамотам марта 1577 г. В первой мало освобождений от конкретных дел, во второй их больше, причем многие

¹¹ ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № АП/47, лл. 242 об. — 246.

¹² РИБ, т. 32, № 261.

¹³ Сб. ГНЭ, т. I, № 217а.

¹⁴ ГПБ, Собр. СПб. Д/А, АП/47, лл. 242 об. — 246.

из этих постановлений вошли в мартовские грамоты 1577 г. в той же редакции.

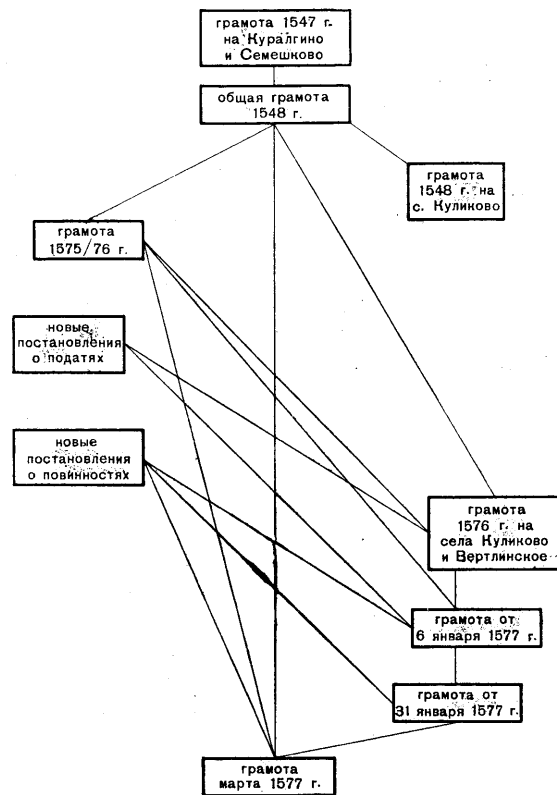
В грамоте от 6 января еще нет упоминания о ямчужном деле, в грамоте от 31 января оно есть, однако формулировка здесь лаконичнее, чем в грамотах марта 1577 г.

Грамота от 31 января 1577 г.	Грамоты от 9 и 11 марта 1577 г.
«и к емчужному делу их не наряжают».	«и к емчужному делу их монастырских крестьян не наряжают, и в целовальники во всякие дела не емлют, и онбаров емчужных не ставят и старых не поделывают, и земли и золы и дров, ни бревен, ни иного всякого лесу, ни камни, ни извести не возят».

Чем грамота дальше хронологически от 1576 г., тем настойчивее проводится в ней освобождение от ямчужного дела. Вероятно, январские грамоты 1577 г. заимствовали из грамоты «Ивана Московского» освобождение от «податей» (ямских денег, примета и т. д.). Освобождения же от повинностей стали разрабатываться, по-видимому, позднее.

Показательно, что в обеих январских грамотах упоминается примет. Постановление о нем (правда, прямо противоположное) содержалось в дмитровской грамоте 1576 г., которая могла испытать на себе некоторое влияние грамоты «Ивана Московского», поскольку Дмитров входил в его «удел». Итак, грамоты января 1577 г. восходили к грамоте 1575/76 г., базировавшейся, очевидно, в какой-то своей части на грамотах 1547—1548 гг. Ориентация Ивана IV на эти грамоты 40-х годов в 1575/76 г. понятна: проводя «удельную» политику в рамках Дмитровского и близких к нему уездов, он использовал дмитровские имунитетные традиции и соответствующую им документацию. Создатели мартовских грамот учитывали как общую грамоту 1548 г., так и специально дмитровские грамоты, ибо первая из мартовских грамот (от 9 марта) выдавалась на владения в «дворовых» уездах, в том числе и в Дмитровском.

Схематически происхождение формуляра мартовских грамот 1577 г. можно представить в следующем виде:

Мартовские грамоты 1577 г. создавались по существу независимо от грамоты 1575/76 г. Считая грамотой, упомянутой в мартовских актах 1577 г., грамоту 1575/76 г., мы не поймем смысла слов челобитной, приведенных во вступительной части грамот 1577 г.: «а нашу деи у них прежнюю жаловалную грамоту рудят, а прошают деи у них наших жаловальных грамот ежегод». Спрашивается, почему правительственные агенты требовали у Кирилло-Белозерского монастыря «жаловальных грамот ежегод», если и года не прошло с момента выдачи тарханной грамоты 1575/76 г.? Кроме того, грамота «Ивана Московского» не могла быть общей, т. е. касавшейся всех земель монастыря, ибо ряд уездов, где находились кирилловские владения, не входил в «удел».

Но, с другой стороны, вправе ли мы подразумевать под тарханной грамотой, упоминаемой в мартовских грамотах 1577 г., грамоту 1548 г., не содержащую освобождения ни от податей, ни от посохи, когда в челобитной говорится: «с их монастырских вотчин наши всякие подати и посохи емлют через нашу жаловальную грамоту силно...»?

Очевидно, суть этого противоречия заключается в двусмысленности монастырской челобитной (т. е. ее изложения в мартовских жалованных грамотах 1577 г.). Монастырь имел в виду по существу две тарханские грамоты — 1548 и 1575/76 г., но ни одна из них не была бесспорным документом. Грамота 1548 г. утратила силу в 1551 г., не будучи подписана на царское имя. Еще сложнее обстояло дело с грамотой 1575/76 г.: вскоре после сведения с престола Симеона Бекбулатовича правительство, по-видимому, изъяло из монастырских архивов документы, определявшие Ивана IV в качестве «князя Московского»¹⁵. Лишившись тарханной грамоты 1575/76 г., монастырь, однако, считал ее содержание действительным и поэтому жаловался, что подати и посохи емлют «через» жалованную грамоту. Тут же замечалось, что и грамота 1548 г. не пользуется никаким авторитетом у местных властей: с монастырских старцев требуют новые грамоты «ежегод». Конечно, монастырь мог представить только текст не подтвержденной в 1551 г. грамоты 1548 г. (который и лег в основу мартовских грамот 1577 г.). Отсюда глухой и расплывчатый характер ссылки на «тарханную грамоту».

Все это совершенно не свидетельствует об утрате тарханскими грамотами силы из-за неподписания их на имя Симеона Бекбулатовича или Ивана IV в 1576 г. Грамота 1548 г. утратила силу из-за неподтверждения ее в 1551 г. Грамота 1575/76 г. была выдана как раз при Симеоне и содержала освобождение от «податей». Симеон руководствовался этой грамотой. Предполагаемое же изъятие ее из рук монастыря после отставки Симеона ничего общего не имеет с восстановлением тарханов «через год», о котором говорит Флетчер. Здесь, наоборот, скорее нарушение тархана, обусловленное не толь-

¹⁵ С. М. К а ш т а н о в. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. — Труды МГИАИ, т. 16. М., 1961, стр. 429, прим. 18.

ко финансовыми соображениями, но и попыткой вернуть из рук монастыря документы, шедшие от имени «князя Московского» (как подрывавшие престиж «царя и великого князя всея Руси»). Это было, видимо, мероприятие, коснувшееся довольно узкого круга лиц и корпораций, пожалованных Иваном Московским в период пребывания их в его уделе.

Можно ли говорить, что до 1575/76 г. податной имунитет Кирилло-Белозерского монастыря сохранялся, а в 1575/76 г. был нарушен? В перечне грамот, с которого начинается одна из копийных книг Кирилло-Белозерского монастыря XVII в., имеется ссылка на указную грамоту царя Ивана Васильевича 7082 (1573/74 г.) «в Пошехонье Павлину Ощирину, да на Белоозеро Левонтию Ошанину да денежным зборщиком Климу Живлякову да Фетку Захарьину, да в Московской уезд Меншику Воекову, да в Бежецкой Верх Матфею Коротневу да Назиму Прокофьеву, да на Угличь Федору Еженеву да Михаилу Заломаеву, что с монастырские вотчины в тех городех и в уездах ямских и приметных денег, и за городовые и за засечные и за емчюжное дело, и посошных людей велено имати з живущаго, а с пуста не имати»¹⁶.

20 ноября 1573 г. аналогичная указная грамота была направлена городовым приказчикам Дмитровского и Ростовского (или Романовского)¹⁷ уездов¹⁸. Отсюда как будто ясно, это уже осенью 1573 г. «живущие» (т. е. населенные) владения монастыря платили все основные подати, причем платили их местным сборщикам. Последнее обстоятельство свидетельствует об отмене к этому времени установленного в 50—60-х годах права Кирилло-Белозерского монастыря вносить подати в Большой приход, минуя местных сборщиков. Впрочем, в указной грамоте от 9 июня 1575 г., посланной в Углич и Пошехонье, городовым приказчикам предписывалось с кирилловских вотчин «наши ямские деньги» не собирать, так как монастырь должен платить их сам в Большой приход¹⁹. Но поскольку грамот подобного содержа-

¹⁶ ГПБ, Q — IV—113а, стр. 212—213.

¹⁷ Путаница в рукописи.

¹⁸ ГПБ, Q — IV—113а, стр. 216—217.

¹⁹ ЛОИИ, Собр. Шегрена, № 16.

ния, адресованных в другие города, нет, можно считать возврат в 1575 г. углицких и пошехонских владений монастыря к старой практике исключением из общего правила.

Итак, фактическое нарушение кирилловского податного иммунитета имело место задолго до 1575/76 г., и если в грамоте 1576 г. на дмитровские села упоминается, что они «запустили от посох и от подвод и от ямских слобод», то эти причины запустения отнюдь не были вызваны финансовой политикой времени княжения Симеона Бекбулатовича, а возникли гораздо раньше. Широкое запустение наблюдается уже в 1573—1574 гг.

В грамоте 1576 г. сказано: «прежних своих жалованных тарханных грамот у них рудити не велел». Фраза эта носит декларативный характер, ибо сентябрьская грамота 1548 г. на с. Куликово не содержала существенных привилегий, да и к тому же, подобно общей грамоте 1548 г., не получила подтверждения в 1551 г. Скорее всего, здесь имелась в виду грамота «Ивана Московского» 1575/76 г., следовательно, грамота новая, не нарушавшаяся при Симеоне. Выдача грамоты 30 декабря 1576 г. на дмитровские села не может свидетельствовать об отмене жалованных грамот при Симеоне между прочим и потому, что Дмитровский уезд в период великого княжения Симеона входил в состав «удела» Ивана IV. Предоставление Кирилло-Белозерскому монастырю грамоты на дмитровские села, вероятно, связано с изъятием из рук монастыря тарханной грамоты «Ивана Васильевича Московского» 1575/76 г. и угрозой нарушения зафиксированных в ней привилегий.

Поскольку в грамоте от 31 января 1577 г. Иван IV «оторганил» заново старые монастырские владения, можно уверенно говорить о потере грамотой 1575/76 г. своего юридического действия уже в конце 1576 г., что, очевидно, было связано с ее изъятием из монастырского архива. Выдача грамоты 31 января 1577 г. в какой-то мере диктовалась особыми обстоятельствами. Монастырь жаловался, что «было деи у них в Белозерском уезде лихое поветрие, и тем де лихим поветрием в их Кирилове монастыре люди деловые повымерли, и им де от того нужда великая». В указной грамоте Ивана IV от 11 февраля 1577 г. белозерским городовым приказчикам предписывалось соблюдать только что выданную тарханную грамоту и,

в частности, в соответствии с ней, монастырских крестьян «сь яму свести»²⁰.

Таким образом, в конце 1576 — начале 1577 г. правительство продемонстрировало две формы реставрации прежних привилегий: переписку заново старых тарханных грамот, относящихся к определенному уезду (дмитровская грамота от 30 декабря 1576 г.) и восстановление для отдельных вотчин основных норм грамоты 1575/76 г. (грамота от 31 января 1577 г.). Мартовские грамоты 1577 г. явились компромиссной формой решения вопроса — они восстанавливали только некоторые из основных привилегий (освобождение от посохи, натуральной ямской повинности), но зато для всех монастырских владений. Январские грамоты освобождали, вслед за грамотой 1575/76 г., еще и от податей, чего в мартовских грамотах нет. Таким образом, в конце 1576 — начале 1577 г. для кирилловских вотчин отменялся льготный статус, созданный именно в период великого княжения Симеона Бекбулатовича. Этот статус и был восстановлен в урезанном виде в марте 1577 г.

§ 2. Грамоты конца 1576 — начала 1577 г., не соотносящиеся с общими грамотами

Рассмотрим другие грамоты, полученные Кирилло-Белозерским монастырем вскоре после сведения Симеона Бекбулатовича — в конце 1576 — начале 1577 г.

В грамоте от 31 декабря 1576 г. говорилось, чтобы Кирилло-Белозерский монастырь получал ружные деньги на содержание приписных монастырей и милостыню для богадельной избы не из Большого дворца, а на Белоозере из белозерских дворцовых доходов²¹. В грамоте от 12 января 1577 г. Иван IV повелел выдавать Кирилло-Белозерскому монастырю и большую денежную ругу (для братии самого Кириллова монастыря) «на Белоозере из наших из белозерских доходов, из ямских денег», а не из Большого прихода²². В грамоте от 6 января 1577 г. предписывалось снабжать Кирилло-Белозерский

²⁰ ЛОИИ, Собр. Головина, № 78.

²¹ ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № АП/47, лл. 463—465.

²² Там же, лл. 261—262.

и приписные к нему монастыри хлебной ругой не из вологодских дворцовых сел, а из дворцовых сел белозерских волостей — Озадской, Надпорожской и Шуховы²³.

Все три грамоты отражают весьма целенаправленную политику правительства. С одной стороны, мы здесь имеем дело как будто с удовлетворением потребностей монастырских властей, заинтересованных в получении ружных доходов в одном месте — по соседству с монастырем, на Белоозере. Однако, с другой стороны, эта концентрация ружных платежей на Белоозере едва ли могла бы состояться в случае отсутствия у правительства определенных планов, вполне согласующихся с такой концентрацией. Рассматриваемые грамоты позволяют думать, что правительство стремилось к максимальному освобождению центральных учреждений и дворовых уездов, к которым принадлежал в 1577 г. Вологодский уезд, от бремени неправительственных расходов и считало возможным переложить это бремя на недворовые города, к числу которых относилось в 1577 г. Белоозеро. Таким образом, перед нами интересный поворотный момент в финансовой политике правительства, связанный с переходом от системы «удела» к системе «двора». Грамоты не показывают отмены ружных прав монастырей при Симеоне, в них речь идет не о восстановлении нарушенного права получать ругу, а только о перемене места ее получения.

Нет известий, касающихся нарушения прежних грамот, и в датируемой 29 января 1577 г. жалованной грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю на беспошлинный провоз монастырского «запаса» из Вологды — очевидно, до грамоты 1577 г. монастырь правом беспошлинного провоза этого «запаса» не обладал²⁴.

§ 3. Грамоты, выданные после общих грамот марта 1577 г.

Остановимся вкратце на грамотах 1577—1578 гг., выданных Кирилло-Белозерскому монастырю после грамот от 9 и 11 марта 1577 г. К 14 апреля 1577 г. относят-

²³ ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № АП/47, лл. 455—458 об.

²⁴ ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/359.

ся жалованная²⁵ и указная²⁶ грамоты, предоставлявшие в собственность монастыря пожню Великосельскую и освобождавшие ее от налогов. Это владение впервые давалось монастырю, и сведений о нарушении кирилловского иммунитета в отмеченных документах, разумеется, обнаружить не удастся.

В монастырской приговорной грамоте, начинающейся словами «Лета 7085-го, мая в 19 день. Пожаловал царь...», власти Кирилло-Белозерского монастыря напоминали, что на три подмонастырных «ключа» (Колдомский, Кнутовский и Зарецкий) монастырь получил от царя тарханную грамоту, освобождавшую от дани, посохи, белого корма, тамги, ямчужного дела, ямской, подводной и целовально-таможенной повинностей²⁷. По-видимому, речь здесь шла о землях, являвшихся объектом пожалования грамоты от 31 января 1577 г., которая была рассмотрена выше.

18 августа 1577 г. правительство послало двинским таможенникам указную грамоту, где отмечалось нарушение местными пошлинниками таможенного иммунитета торговых обозов Кирилло-Белозерского монастыря на их пути по рекам Сухоне и Двине (от района Вологды до Холмогор)²⁸. Действия таможенников квалифицировались в августовской грамоте как нарушение монастырской тарханной грамоты, запрещавшей взимать с кирилловских товаров и торговых людей тамгу, мыт, перевозки и другие пошлины. Тут имелись в виду, конечно, мартовские тарханские грамоты 1577 г., ибо именно в них фиксировалось освобождение монастырских обозов от тамги, мыта, перевозов и т. п. В мартовских грамотах среди льготных путей передвижения упоминались лишь Двина, Онега, Волга и Шексна, но отсутствовало указание на Сухону; кроме того, грамоты освобождали от пошлин «запасы», а не «товары». Следовательно, известные юридические основания для действий таможенников

²⁵ Там же, № 1/360.

²⁶ ЦГАДА, ГРЭ, по Белоозерску, № 149/850.

²⁷ ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № А1/16, л. 47—47 об.; Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625), т. I, вып. 2. СПб., 1910, стр. 59—60.

²⁸ А. А. Герасимов. Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря. — «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», вып. 31. Саратов, 1914, стр. 23—24.

заклучались в самих тарханных грамотах марта 1577 г. Во всяком случае, описываемые «нарушения» можно рассматривать только в их отношении к мартовским грамотам 1577 г., ибо другими общими тарханными грамотами с определением таможенного иммунитета монастырь к августу 1577 г. не располагал. Отсюда ясно, что сведения августовской грамоты 1577 г. нельзя распространять на период, предшествующий 9—11 марта 1577 г., т. е., в частности, и на время правления Симеона Бекбулатовича.

Никаких данных о нарушении прежнего кирилловского иммунитета нет в указанной грамоте, посланной 19 августа 1577 г. на Белоозеро и содержащей предписание белозерским городовым приказчикам не взимать оброчные и пошлинные деньги с сельца Куности-Покровского, пожалованного Кирилло-Белозерскому монастырю 2 апреля 1577 г. в счет двух его деревень, взятых под ямские слободы²⁹. Указная грамота в Каргополь от 11 мая 1578 г., пересказывая челобитную игумена Кирилло-Белозерского монастыря, просившего отдать монастырю на оброк рыбные ловли в реке Онеге, тоже не упоминает нарушений³⁰. Это и понятно. В момент составления грамоты монастырь еще не являлся официально держателем выпрашиваемых рыбных ловель. Тарханная грамота, выданная Кирилло-Белозерскому монастырю 27 июня 1578 г.³¹, распространяла привилегии, зафиксированные в грамоте от 6 января 1577 г., относящейся к монастырским владениям в поморской волости Умбе³², на ряд вновь приобретенных монастырем владений в той же волости. Сведений о нарушении прежних тарханных грамот в грамоте нет. В жалованной грамоте от 20 августа 1578 г. на рыбные ловли в Белозерском уезде³³ говорилось, что «с наших де рыбных ловель прикачики и целовальники в Белоозере и по речкам их монастырским ловцом про монастырской обиход рыбы ловити не дают». Царь разрешил монастырю ловить

²⁹ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 484—485.

³⁰ Там же, стр. 486.

³¹ Сб. ГКЭ, т. I, № 221а.

³² Там же, № 217а.

³³ ГПБ, Собр. СПб. Д/А, № АП/47, лл. 176—177 об.; № А1/16, лл. 1168—1169.

рыбу «по прежнему», причем без уплаты «денежных и рыбных оброков». Освобождение от рыбных оброков имелось в мартовских грамотах 1577 г., и если видеть в действиях правительственных агентов нарушение каких-либо грамот, то в качестве таковых можно назвать лишь грамоты марта 1577 г.

Указная грамота, датируемая 1 декабря 1578 г., предписывала обелить от посадских тяглей двор Кирилло-Белозерского монастыря в Кашине³⁴. В ней мы не находим материала для изучения состояния монастырского иммунитета в городах при Симеоне и ранее, ибо грамота ссылается только на постановления общей «тарханной грамоты», под которой подразумеваются мартовские тарханные грамоты 1577 г.: «по нашей де жалованной тарханной грамоте Кирилова монастыря в которых городех нибуди дворы монастырские, а хто на тех дворех их учнут жити людей монастырских и дворников, и тем их монастырским людям и дворником в городовыми с черными с посадкими людьми не тянуть ни в которые розметы». Кирилловский двор в Кашине был новокупленным, на него лишь распространялось действие общих тарханных грамот 1577 г.

Таким образом, рассмотрение грамот конца 1576—1578 гг., касающихся привилегий Кирилло-Белозерского монастыря, подтверждает вывод об отсутствии данных, которые показывали бы отмену кирилловских тарханов в период великого княжения Симеона Бекбулатовича. Наоборот, отдельные грамоты конца 1576—начала 1577 г. позволяют уточнить содержание тарханной грамоты «Ивана Московского» 1575/76 г. как освобождавшей от основных «податей».

³⁴ ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/371.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ТРОИЦКИЕ ГРАМОТЫ

§ 1. Общая грамота апреля 1578 г.
и происхождение ее формуляра

Грамота от 28 апреля 1578 г. Троице-Сергиеву монастырю охватывала его вотчины в 30 уездах¹. В грамоте сказано, что монастырские владения «запустили от хлебного недороду и от лихово поветрея...» и т. д. В грамоте ни слова нет о нарушении старых грамот по причине неутверждения их Симеоном или Иваном IV в 1576 г. Юридическим основанием для нарушения монастырских привилегий явилась «ветхость» грамот.

В той части общей тарханной грамоты 1578 г., где дело касается старых грамот, монастырская челобитная изложена явно двусмысленно. С одной стороны, здесь говорится о многих старых грамотах, с другой стороны, монастырь просит дать «грамоту тарханную такову ж, какова у них наша прежняя жалованная грамота». В грамоте приведен «сводный текст» предшествующих жалованных грамот, который, по-видимому, и выдавался за прежнюю жалованную грамоту Ивана IV. В грамоте сказано, что в монастыре грамоты «прародителей наших великих князей, и деда нашего, и отца нашего, и наши ... тарханные есть: не давати им с тое вотчины...» 1) посохи, 2) ямских денег, 3) тукового, 4) восмничего, 5) косток, 6) засечного, 7) пятенного, 8) на яму с подводами не стоять, 9) ни лесу, ни камени не возити, 10) кормов наших проезжих и конских не давать, 11) половняничных денег не платить и т. д.

Грамот с тождественным или весьма близким формуляром мы среди предшествующих троицких актов не находим. Можно было бы предположить, что грамота с таким формуляром просто не сохранилась или что формуляр, записанный в грамоте 1578 г., явился сложной комбинацией

¹ ГПБ, Погод. 1564, лл. 92—103; Погод. 1905, лл. 97—112; ГБЛ, Тр. кн. 527—528, № 336; ЦГАДА, ГКЭ, по Балахне, № 42/409, лл. 38 об.—47; Сб. ГКЭ, т. I, № 220а, 402.

постановлений многочисленных троицких грамот, выданных до 1578 г.

Однако оба эти предположения отпадают при сравнении грамоты 1578 г. с грамотами конца 1576 г. Рождественскому и Спасо-Евфимьеву монастырям. Грамоты Троице-Сергиеву и Рождественскому² монастырям в одинаковых выражениях характеризуют не только содержание иммунитета, но и те акты, которые его закрепляли («прародителей наших ...» и пр.). Обе грамоты имеют тождественные в целом формуляры.

В грамоте, выданной 1 ноября 1576 г. Спасо-Евфимьеву монастырю³, мы находим тот же формуляр, который приведен в троицкой грамоте 1578 г.

Считая жалованную грамоту Спасо-Евфимьеву монастырю наиболее ранней из всех грамот, где дан этот формуляр, можно видеть в ней протограф грамот Рождественскому и Троице-Сергиеву монастырям, отражающий, по-видимому, общую редакцию, выработанную правительством для составления жалованных грамот крупным духовным феодалам восточного Замосковья вскоре после сведения с великокняжеского престола Симеона Бекбулатовича. Это новая общая редакция, а не воспроизведение одной из старых спасо-евфимьевских грамот.

Основой текста якобы прежних грамот, приводимого в *pagatio* спасо-евфимьевской и рождественской грамот, послужил несколько переработанный текст *dispositio* грамоты Александрову монастырю от 30 октября 1576 г.⁴

Итак, содержащийся в жалованной грамоте 1578 г. текст с изложением старых монастырских привилегий представляет собой фикцию никогда не существовавшей троицкой грамоты. Фиктивность данного текста определяет крайне условный характер того раздела, где говорится о нарушении тарханных привилегий, закрепленных якобы в прежних грамотах. Да и само описание нарушений не выглядит реальным отражением действительности. Оно представляет собой не что иное, как текст жалованной грамоты со

² ЦГАДА, ГКЭ, по Владимиру, № 65/1842.

³ Полный список XVIII в. — ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, кн. 1, лл. 423—426; отрывок списка XVI в. — ГИМ, ОПИ, Увар. карт. 41/23, № 30; пересказ в грамоте Василия Шуйского 1606 г. — Там же, Увар. карт. 41/23, № 29; Увар. карт. 41/13, № 29.

⁴ ЦГИА СССР, ф. Рукописей Синода (834), оп. 3, № 1920, лл. 121—123 об. Монастырь был тоже суздальским.

всеми податными, судебными, таможенными и заповедными постановлениями, которые лишь переделаны из негативной [формы] («не дают», «не емлют», «не судят» и т. д.) в позитивную («дают», «емлют», «судят» и т. д.).

Такое формулярно-детализированное и формулярно-последовательное перечисление нарушений ближе к литературному штампу, чем к картине реальной борьбы. Но если в рождественской грамоте 1576 г. причиной нарушения считалось неподписание грамот на имя Ивана IV (в 1551 г.), то в троицкой грамоте 1578 г. в качестве такой причины фигурирует их ветхость. Троице-Сергиев монастырь ссылался не на все «ветхие» грамоты, а, по-видимому, только на подтвержденные в 1551 г. Предъявление именно подтвержденных «ветхих» грамот непосредственно отвечало интересам монастыря, так как делало его иск гораздо более надежным, чем в случае предъявления неподтвержденных в 1551 г. актов XV в.

§ 2. Грамоты второй половины XVI в., предшествующие общей грамоте 1578 г.

Зачем же понадобилось Троицкому монастырю извлечь из своего архива «ветхие» грамоты? В какой степени грамоты второй половины XVI в. обеспечивали монастырские привилегии? Рассмотрим дошедшие троицкие грамоты 50—70-х годов XVI в. Грамота 1577 г., освобождавшая от посошной службы⁵, не содержит ссылок на предыдущие тарханские грамоты, так что по ней нельзя судить, вводила ли она новую привилегию или подтверждала старую. Оставляя в стороне грамоту 1575 г., касающуюся лишь монастырских дворов во Владимирском уезде, на Холуе⁶, как не дающую сведений о прежних общих грамотах монастырю, перейдем к показаниям указной грамоты 1572 г., посланной в Гороховец⁷. В ней говорится: «...А была деи у них наша жалованная грамота, что было им с пуста посошных людей не давати и на яму не стояти, и подвод, и столовых кормов не давати; а з живущего велено им всякие пошлыны, дань и посоху, збирати самим и пла-

⁵ ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 335.

⁶ АТН, вып. II, № 23.

⁷ П. А. Садилов. Из истории опричнины. Приложение, № 59. — «Исторический архив», т. III. М. — Л., 1940.

тити те пошлыны у нас на Москве, а иные в Слободе; и та деи грамота у них на Москве в приход крымского царя згорела». В грамоте 1572 г. царь, умалчивая о невзимании податей «с пуста», полностью подтвердил право монастырских властей самим собирать дань и посоху. Сформулированное в грамоте запрещение брать монастырских крестьян «на ям с подводами и кормов правити» носило безусловный характер, т. е. эти повинности вообще не распространялись на крестьян гороховецкой вотчины Троице-Сергиева монастыря.

Жалованная грамота, упоминаемая в указной грамоте 1572 г., была выдана не ранее 1565 г., так как в ней содержится предписание платить подати «в Слободе», и не позднее мая 1571 г., когда она сгорела «в приход крымского царя» Девлет-Гирея. Льготная грамота, полученная Троице-Сергиевым монастырем 12 октября 1571 г.⁸, ничего не сообщает о сгоревшей жалованной грамоте. Сама грамота октября 1571 г. предоставляла запустевшим монастырским владениям полную свободу от податей на три года — с 1 сентября 1571 г. до 1 сентября 1574 г.

В этой грамоте запрещался пражеж податей «с пуста». Вместе с тем до ее выдачи подати «с пуста» взимались и монастырь оплачивал их «монастырскою троецкою казною», из чего следует, что ранее октября 1571 г. действовало общее для троицкой вотчины правило, которому, по-видимому, не противоречил факт выплаты податей «монастырскою... казною», т. е. самим монастырем, а не крестьянами. Именно такое правило и было, согласно грамоте 1572 г., зафиксировано в сгоревшей жалованной грамоте. Но составителя льготной грамоты октября 1571 г. оно не интересовало, ибо он вводил (на три года) новый режим в запустевших троицких вотчинах — полную свободу их от податей.

Итак, грамота 1572 г., посвященная порядку сбора податей с троицких вотчин (невъезд правительственных сборщиков — доставка податей самим монастырем), ссылается на сгоревшую грамоту, а грамота 1571 г., посвященная невзиманию податей (в какой бы то ни было форме) с запустевших владений монастыря, не ссылается на сгоревшую грамоту. Ссылаются обычно на прецедент или на общее правило. Для постановления грамоты 1572 г. нормы,

⁸ Там же. Приложение, № 52.

изложенные в сгоревшей грамоте, были и тем, и другим, для указа же грамоты 1571 г. — ни тем, ни другим.

Появляется, таким образом, основание предположить, что в грамоте 1572 г. в изложении содержания сгоревшей грамоты к ее действительным постановлениям были сделаны добавления. В сгоревшей грамоте речь шла, вероятно, только о невезде в троицкую вотчину правительственных сборщиков, о сборе податей самим монастырем и уплате их в земскую или опричную казну («на Москве, а иные в Слободе»). Этот вывод подтверждается анализом жалованной грамоты Ивана IV Троице-Сергиеву монастырю от 17 марта 1571 г. на запустевшую часть монастырской вотчины⁹. В грамоте запрещалось взимать подати «с пуста», а по переходе отдельных «мест» «из пуста в жилое» предписывалось подати «платить по старому по тем же приказам, где преж сего платили». Рассматриваемая грамота не ссылается на другие грамоты. Сама она не является грамотой, сгоревшей в мае 1571 г., так как сохранилась в подлиннике¹⁰.

Вводя освобождение пустых мест от податей без ссылки на какую-либо предшествующую грамоту, грамота марта 1571 г. свидетельствует об отсутствии подобного постановления в ближайших к ней по времени общих жалованных грамотах Троице-Сергиеву монастырю. Вместе с тем выражением «по старому по тем же приказам, где преж сего платили», она очень ясно намекает на более раннюю жалованную грамоту, устанавливавшую порядок уплаты податей монастырем «на Москве и в Слободе в Большом приходе». Таким образом, сгоревшая грамота была выдана до 17 марта 1571 г., скорее всего в 60-х годах XVI в., когда и Кирилло-Белозерский монастырь получил грамо-

⁹ П. И в а н о в. Описание государственного архива старых дел. М., 1850, стр. 229; «Сборник князя Хилкова». Пб., 1879, № 59, стр. 160—161.

¹⁰ А. И. А н д р е е в. Краткая опись грамот, хранящихся в рукописном отделении Российской публичной библиотеки, вып. I. — ЛЗАК, вып. 32. Пг., 1923, стр. 21, № 153. Еще в середине XIX в. эта грамота находилась среди ГКЭ (под № 14 по Москве) и имела красную печать (П. И в а н о в. Указ. соч. стр. 229—230). Уже в 1879 г., когда она печаталась в сборнике Хилкова, печать у нее была утрачена, а сама грамота, по-видимому, перекочевала в Петербург («Сборник князя Хилкова», стр. 160—161). В описях ЦГАДА следов ее присутствия обнаружить не удалось.

ты, разрешавшие ему вносить подати в Большой приход самому¹¹.

В связи с наличием грамоты марта 1571 г., освобождавшей запустевшие места троицкой вотчины от податей, возникает вопрос, почему грамота октября 1571 г., посвященная как будто этой же теме, не ссылается на мартовскую грамоту. Допуская, что октябрьская грамота умалчивала о мартовской грамоте без всякой причины, мы признали бы непоказательность молчания октябрьской грамоты и относительно сгоревшей грамоты.

Однако отсутствие в октябрьской грамоте ссылки на мартовскую вполне объяснимо. Мартовская и октябрьская грамоты затрагивают по существу разные вопросы. В первой речь идет в самой общей форме о всех запустевших местах в троицкой вотчине, точно определить которые не было возможности, так как в каждом селе и в каждой деревне пустые земли могли лежать чересполосно с «живущими». В октябрьской грамоте дело касалось уже не чересполосных кусков запустевшей земли, а комплекса владений, оказавшихся целиком «в пусте»; грамота конкретно их перечисляет — по селам¹².

Мартовская грамота, таким образом, не являлась в строгом смысле прецедентом для октябрьской грамоты, и тем более не была она для нее общим правилом, на котором следовало основываться. Это видно из различия в постановлениях сравниваемых грамот: мартовская декларировала тягловую ответственность «пустых» мест по мере превращения их в «живущие» без всяких конкретных сроков, октябрьская устанавливала точный срок, относившийся к строго очерченному кругу владений. Следовательно, составитель октябрьской грамоты не имел практической надобности ссылаться ни на сгоревшую грамоту о порядке уплаты податей с монастырских вотчин, ни на мартовскую грамоту 1571 г. о неуплате податей с чересполосных кусков пустой земли в троицких владениях.

¹¹ ГПБ, Q—IV—1136, стр. 413—416, 531—534; ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/289.

¹² Из 18 сел 7 находились в Московском уезде (Нахабинское, Ростокно, Давыдовское, Саларево, Звягино, Мамоново, Черкизово), 3 — в Дмитровском (Драчево, Петровское, Рожественое), 2 — в Звенигородском (Дмитровское, Ондреевское), 2 — в Малоярославецком (Передол, Почап), 1 — в Верейском (Илемна), 1 — в Боровском (Романовское), 1 — в Хотунском (Дубешня), 1 — в Новоторжском или Ржевском (Осташково).

Возвращаясь к тексту грамоты 1572 г., обратим внимание на содержащиеся в нем недомолвки. С одной стороны, в грамоте четко указывается, что по сгоревшей жалованной грамоте монастырским крестьянам разрешалось лишь «с пуста» не давать посошных людей, столовые кормы и не стоять на яму с подводами, с живущего же «всякие пошлыны — дань и посоху» монастырь должен был собирать сам. С другой стороны, запрещая въезд рассыльщиков в троицкую вотчину, грамота оговаривает сбор монастырем только дани и посохи, вследствие чего в той части текста, где говорится о всей сумме привилегий («розсыльщиков не посылати за дань и посохи, и на ям с подводами, и кормов правити не велели по их жалованной грамоте»), постановление, касающееся ямской, подводной и кормовой повинностей, остается неразъясненным. Оно должно толковаться как безусловное и полное освобождение крестьян гороховецкой вотчины Троице-Сергиева монастыря от названных повинностей: рассыльщикам запрещалось их взимать, а на монастырь не перекладывалась обязанность обеспечивать исполнение ямской, подводной и кормовой повинностей монастырскими крестьянами.

Такое толкование тем более допустимо, что обязанность монастыря поставлять «посоху» специальным «посланникам» в грамоте особо отмечена. В троицкой гороховецкой вотчине имелись и пустыи, и жилые земли. Согласно сгоревшей грамоте в изложении грамоты 1572 г., на яму не стоять и столовых кормов не давать можно было «с пуста». По решению же грамоты 1572 г. эти повинности оказывались в конечном счете необязательными и для пустой, и для жилой части гороховецких владений Троице-Сергиева монастыря. В постановлении указной грамоты 1572 г. вопрос о пустом и жилом обходился, вероятно, потому, что монастырь получил подтверждение права самому собирать подати — рассыльщиков, допуск которых в вотчину вообще запрещался, не касалось, с чего соберут монастырские власти дань и посоху. В добросовестности сбора монастырь был ответствен перед правительством, проверявшим его, по-видимому, по писцовым книгам и платежникам.

Ссылка в первой (излагающей челобитье) части грамоты 1572 г. на запрещение взимать подати с пустого выглядит как будто неуместно, ибо во второй (указной) части грамоты никакой дифференциации пустого и жилого нет. Мо-

настырь не получил полного освобождения от дани и посохи, а подтверждение его права самому организовывать их сбор повторяло лишь то предыдущее постановление, где определялся порядок взимания и уплаты податей монастырем. Весь смысл этой ссылки состоял в указании на право «с пуста» «на яму не стояти, и подвод и столовых кормов не давати».

Монастырь стремился к соединению двух привилегий — невъезда правительственных агентов и свободы от ямской, подводной и кормовой повинностей. Получив вторую привилегию при наличии первой, монастырь по существу распространил вторую привилегию «с пуста на жилое». Невъезд местных властей лишал их возможности требовать монастырских крестьян на ям. Чтобы заставить сам монастырь обеспечивать службу крестьян на яму, нужна была, казалось бы, специальная оговорка типа оговорки о сборе посохи, однако подобные оговорки в отношении ямской повинности никогда не делались: монастырские крестьяне или освобождались от нее, или непосредственно принуждались к исполнению ее. Поскольку монастырь добился для крестьян своей гороховецкой вотчины права на яму с подводами не стоять, какие-либо другие решения по этому вопросу сами собой отпадали.

В грамоте 1572 г. освобождение запустевших земель от посохи, яма, подвод и столовых кормов приписывается сгоревшей грамоте. Однако в грамотах 1571 г., фиксирующих названную привилегию, нет никаких ссылок на предыдущие грамоты. В грамоте марта 1571 г. сказано, что троицкий архимандрит просил «с пуста дани и кормов и всяких пошлын имати не велети до тех мест, до коих мест на те пустые места жилцов назовут». Челобитье касалось тут всей вотчины. Оно выглядит как просьба о создании нового, льготного статуса для запустевших земель, которые до этого (вероятно, вследствие еще недостаточно широких масштабов запустения) не имели своего особого статуса, отличного от статуса жилой части вотчины. Именно такой новый статус и создавала мартовская грамота 1571 г. В октябрьской грамоте 1571 г., относившейся уже к ряду целиком разоренных владений, освобождение от податей вводилось тоже как новый статус. Это и понятно. Льгота распространялась здесь с отдельных пустых участков, свободных от податей по мартовской грамоте 1571 г., на земли, числившиеся еще в марте 1571 г. в «жилом». Ок-

тябрьская грамота разрешала в течение трех льготных лет «не давати никакие дани, ямских и приметных денег, и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело, и за посошную службу; и посошных людей, и столовых кормов, и сен, и всяких наших запасов не имати; и на яму с подводами не стояти, ни ямов не делати и иных пошлин наших никаких не платити».

Таким образом, специального освобождения троицких пустых владений от ямской, подводной и кормовой повинностей накануне 1571 г. не было, оно вводилось в октябрьской грамоте 1571 г. для определенного круга сел. В мартовской грамоте, правда, тоже упомянуты «кормы» наряду с данью, но под ними, видимо, подразумевался налог за наместничий корм. Значит, освобождение всякого вообще «пуста» от рассматриваемых повинностей монастырь не получил и по грамотам 1571 г. Это освобождение касалось лишь некоторых сел с деревнями в Московском, Дмитровском, Звенигородском, Верейском, Боровском, Малоярославецком, Хотунском, Новоторжском (или Ржевском) уездах (по грамоте октября 1571 г.).

Отсюда мы можем заключить, что изложение содержания сгоревшей грамоты в грамоте 1572 г. есть тенденциозно выполненная компиляция основной части текста сгоревшей грамоты и выдержек из постановления октябрьской грамоты 1571 г., дополненного фразой об освобождении от подводной повинности. При этом монастырь ссылался только на сгоревшую грамоту, ибо на октябрьскую грамоту он сослаться не мог из-за отсутствия в ней льгот для троицких вотчин Гороховецкого уезда.

§ 3. Общая грамота, сгоревшая в 1571 г.

Когда же была выдана грамота, сгоревшая в мае 1571 г.? В грамоте, по-видимому, отсутствовало освобождение «жилого» от ямской, подводной и кормовой повинностей. Об этом свидетельствует и грамота 1572 г., которая приписывает сгоревшей грамоте освобождение только «пуста» от указанных повинностей, и грамота октября 1571 г., вводящая это освобождение именно для пустых вотчин: следовательно, тогда, когда они были «жилыми», исполнение ямской, подводной и кормовой повинностей являлось для них обязательным (если бы такая обязательность возникла

лишь в июне 1571 г., после уничтожения общей грамоты пожаром, в октябрьской грамоте, несомненно, имелась бы ссылка на сгоревшую грамоту). Поскольку грамота 1572 г. взяла постановление об освобождении «пуста» от рассматриваемых повинностей из октябрьской грамоты 1571 г., приписав его сгоревшей грамоте, можно предполагать, что в грамоте, сгоревшей в мае 1571 г., вообще не было статей, касавшихся этих повинностей. Вместе с тем мы располагаем свидетельствами двух грамот 60-х годов XVI в. о существовании жалованной грамоты, по всей вероятности общей для троицких вотчин, которая давала освобождение от ямской повинности, причем без каких-либо оговорок относительно «живущего» или «пустого». Указная грамота, составленная 2 декабря 1564 г. и посланная в Радонеж и на Пердобожский ям, сообщает: «А у них де наша жалованная грамота, что их монастырским крестьяном на ямех с подводами не стояти»¹³. Еще пространнее высказывается об этом указная грамота от 14 января 1567 г. верейским губным старостам и целовальнику: «А у них наша жалованная грамота, что им на яму с подводами не стояти, ни ямского двора не делати, да грамоту нашу жалованную перед нашими казначеями клали, и в грамоте у них написано, что им на яму с подводами не стояти, ни ямского двора не делати»¹⁴. То, что упоминаемая грамота носила характер документа, общего для всей троицкой вотчины, выясняется не только из контекста обеих указных грамот, но также из сравнения цитированной грамоты 1567 г., касающейся с. Илемны Верейского уезда, с жалованной грамотой, выданной 21 июня 1566 г. именно на это село и определявшей его иммунитетный статус в целом¹⁵. Оказывается, в грамоте 1566 г. нет пунктов, которые разрешали бы крестьянам на яму с подводами не стоять и ямского двора не делать¹⁶; значит, не эта грамота, относив-

¹³ ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 323.

¹⁴ ГБЛ, Тр. кн. 519, № 21.

¹⁵ ЦГАДА, ГКЭ, по Верее, № 14/2341; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 431; С. Ш у м а к о в. Обзор «грамот коллегии экономии», вып. III. М., 1912, стр. 137, № 548.

¹⁶ В грамоте имелись следующие постановления: 1) не тянуть в проторы и разметы, 2) коня не кормить, 3) сен не косить, 4) закосного не давать, 5) двора «моего» и волостелиных дворов не делать, 6) поворотного не давать. Правом не стоять на яму с подводами Илемна не обладала и ранее. По указной грамоте 1546 г. илеменские крестьяне освобождались от этой повинности всего на один год

шая непосредственно к Илемне, имелась в виду в указной грамоте 1567 г. Грамотой, упоминаемой в указных грамотах 1564 и 1567 гг., не могла быть общая грамота, сгоревшая в мае 1571 г.: в ней, согласно грамоте 1572 г., содержалось предписание платить подати в Москве или в Слободе, а ведь общую грамоту с постановлением о ямской повинности называет, помимо грамоты 1567 г., грамота 1564 г., выданная 2 декабря, т. е. за день до отъезда Ивана IV в Слободу¹⁷, — невероятно, чтобы грамота, предшествующая грамоте от 2 декабря 1564 г., уже предполагала уплату податей в Слободе. Таким образом, грамоты 1564 и 1567 гг. ссылаются на общую троицкую грамоту доопричного периода, действовавшую, во всяком случае, до января 1567 г. включительно. Ранее мы установили, что сгоревшая грамота была выдана до марта 1571 г.; в грамотах 1571—1572 гг. уже не видно следов действия грамоты, упоминаемой в грамотах 1564 и 1567 гг. Поэтому хронологические рамки для датировки сгоревшей грамоты сужаются: ее выдали после января 1567 г. и до марта 1571 г. взамен общей доопричной грамоты.

§ 4. Общая грамота 1550 г. и ее источники

Последней общей троицкой грамотой доопричного периода являлась грамота сентября 1550 г.¹⁸ В ней есть интересующее нас постановление: «ни с подводами на яму не стоят и ямского двора не делают». Грамоты 1564 и 1567 гг. ссылались, очевидно, на грамоту 1550 г., в которой для нашей темы особое значение имеют также следующие постановления: 15) «А которые их села и деревни и слободы и дворы в Переславском и в Дмитровском и в Радонежском уездех, и те их люди городовых в городех дел не делают никаких и пошлин не дают никаких же, потому что у

ААЭ, т. I, № 207). В тарханно-оборочной грамоте 1548 г. на Илемну рассматриваемая повинность не упоминается (ЦГАДА, ГКЭ, по Верее, № 12/2339).

¹⁷ Иван IV уехал в Слободу 3 декабря 1564 г. (ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 391—393; ср. первая половина, стр. 63; «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе». — РИЖ, кн. 8, 1922, стр. 31—32).

¹⁸ С. М. Каштанов. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 28. М., 1966, стр. 138—141.

них, у живоначалные Троицы и у чудотворца у Сергея и у Никона, свой город и они делают, и кроют теми селы и деревнями и слободками и дворы переславскими и дмитровскими и радонежскими свой город и ямчюгу на него варят и зелье делают теми же селы и деревнями и слободками и дворы переславскими и дмитровскими и радонежскими»; 17а) «А прикащики городовые ямских денег на них по городом не емлют, а платят они ямские денги на Москве в нашу казну сами»; 17б) «А посошных людей наряжают сами ж и отдают по нашему указу прикащиком нашим и посланником»; 18) «А на которые села и на деревни у них наши грамоты жалованные оброчные, и они с тех сел и деревень платят оброк в нашу казну по грамотам, как у них в грамотах написано».

То, что грамота 1550 г. предоставляла монастырю право самому собирать с крестьян ямские деньги и посошных людей, позволяет видеть в ней источник сгоревшего документа опричного времени. Однако, поскольку сгоревшая грамота, как мы убедились, не освобождала от обязанности стоять на яму с подводами (постановление 11 грамоты 1550 г.), можно полагать, что либо текст 1550 г. редактировался при написании грамоты 1567—1571 гг., либо составитель последней пользовался иным источником, где грамота 1550 г. была воспроизведена в переделанном уже виде.

Первоначально остановимся на источниках грамоты 1550 г. Она ссылается на старые жалованные грамоты «от наших всяких податей и от намесничя и от волостелина суда и отто всяких пошлин, а ямские деньги велено платити им у наши казны на Москве дяком». Грамоте 1550 г. предшествовала общая (на всю троицкую вотчину) льготная грамота от 17 марта 1544 г. Льгота в ней давалась на неопределенный срок — до окончания постройки ограды вокруг монастыря. 25 сентября 1546 г. эта грамота получила подтверждение, которое под видом продления льготы фактически ограничивало ее действие (до 17 марта 1548 г.)¹⁹.

При сравнении податной части грамоты 1550 г. с грамотой 1544 г. выясняется, что первая использовала в самой незначительной степени предшествующую общую грамоту. Вместо имевшегося в грамоте 1544 г. полного освобожде-

¹⁹ ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 288.

ния от дани, ямских денег и посошной службы (формуляр П) мы видим в акте 1550 г. гораздо менее важную привилегию: разрешение монастырю самостоятельно собирать ямские деньги и посошных людей. Сужено в грамоте 1550 г. и применение ссылки на строительство монастырской стены: в грамоте 1544 г. она служит мотивировкой предоставления всех льгот, в грамоте 1550 г. — лишь одной (свободы от городских дел, которая распространялась на троицкие владения только в трех уездах).

Постановления, освобождавшие от более мелких налогов и повинностей, находятся в грамотах 1544 и 1550 гг. в следующем отношении:

Троицкая грамота 1544 г.	Троицкая грамота 1550 г.
8) ни в городе, ни не ямех дворов не делати;	1) коня не кормят, 2) ни сен не косят, 3) ни тукового не платят, 10) и наместничьих и волостелиных по городом и по волостям дворов не ставят;
9) и с ловчими нашими на лисьи поля и на медвежьи не ходити;	14) ни с подводами на яму не стоят и ямсково двора не делают;
10) и мостов и перевозов не мостити;	7) ни мостов не мостят;
11) и езов не бити;	4) ни камени, ни извести к городу не возут;
12) ни гатей не гатить;	5) ни к зелейным анбаром дров и земли не возят;
13) ни извести, ни камени не возити.	6) ни анъбара зелейнова не делают;
	8) ни тюрем по городом не ставят;
	9) ни сторожей к тюрьмам не дают ни х которым делам.

Полагаем, что грамота 1550 г. заимствовала из грамоты 1544 г. постановление, разрешавшее не возить известь и

камень. В основу постановлений 1—3 грамоты 1550 г. положены постановления 1—3 грамоты от 3 октября 1546 г. на троицкие владения в Переславль-Залесском, Радонежском и Дмитровском уездах²⁰. Последняя повторяет формуляр грамоты от 20 декабря 1545 г. на владения в Московском, Дмитровском и Клинском уездах²¹: 1) коня не кормят, 2) сен не косят, 3) закосного не дают. Термин «закосное» заменен в грамоте 1550 г. термином «туковое», очевидно, в соответствии с общей жалованной грамотой Троице-Сергиеву монастырю 1537 г., которая освобождала его вотчины от «туковых денег»²². В основу постановлений 7, 10—11 грамоты 1550 г. положены постановления 12—14 грамоты от 22 декабря 1547 г. на троицкие владения в Переславль-Залесском уезде²³, повторяющей формуляр грамоты 1545/46 г. на владения в том же уезде²⁴: 12) мостов не мостят, 13) наместнича и волостелина и ямского двора не делают, 14) и на яму с подводами не стоят. Возможно, что на формулировку постановлений 10—11 грамоты 1550 г. оказало некоторое влияние также постановление 8 грамоты 1544 г. Постановления 5—6, 8—9 грамоты 1550 г. — новые. Их нет в предшествующих троицких актах.

Постановление 18 грамоты 1550 г. признает своим источником «наши грамоты жалованные оброчные». В документах XVI в. в понятие «оброчные грамоты» включались грамоты двух разновидностей: 1) грамоты, предписывающие уплату единого оброка вместо различных отдельных податей, т. е. «тарханно-оброчные» по нашей классификации; 2) грамоты, передающие определенные объекты (чаще всего промысловые) во временное или постоянное пользование в счет уплаты оброка (по-видимому, уплата этого вида оброка не давала освобождения от других податей)²⁵. Троицких грамот, относящихся ко второй разновидности,

²⁰ ЦГАДА, ГКЭ, по Переславлю-Залесскому, № 140/8864; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 298.

²¹ ГБЛ, Тр. кн. 519, № 29; кн. 527—529, № 294.

²² Там же, кн. 519, № 88; кн. 527—529, № 253.

²³ Там же, кн. 523, лл. 40 об.—46.

²⁴ И. Ф. Токмаков. Историко-статистическое описание города Киржача. М., 1884, стр. 95—97.

²⁵ С. М. Каштанов. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот. — «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 216—217.

за XV—первую половину XVI в. нам известно две. Одна — грамота 1493 г. волоцкого князя Бориса Васильевича, передавшего в монастырь свою деревню «Подкинскую и с мельницею на реке Клязме, в оброк»²⁶, другая — несудимая, двусрочная и заповедная грамота Василия III 1507 г. на солигалицкие владения монастыря. В последней есть оброчное постановление, касающееся только соляных варниц (с варниц давать оброк по книгам нового письма)²⁷. В обеих грамотах на оброк передавались не села. В грамоте же 1550 г. упоминаются оброчные грамоты на села и деревни, следовательно, в ней имеются в виду «оброчные» грамоты, принадлежащие к другой разновидности — тарханно-оброчные.

В разные периоды тарханно-оброчной привилегией пользовались следующие троицкие владения: с. Удинское (по грамотам 1411 и 1434—1447 гг.)²⁸; села Шухобалово и Микульское (по грамоте 1448/49 г.)²⁹; с. Федоровское в Нерехте (по грамотам 1450 и 1478 гг.), деревни с. Федоровского — Гилево, Северово, Лисицино, Жарово (по грамоте 1450 г.), Юринское и Кувакино (по грамотам 1450 и 1478 гг.), а также дер. Лихорево (по грамоте 1478 г.)³⁰; два двора в Дмитрове (по грамотам 1461 и 1463 гг.)³¹; с. Илемна (по грамотам 1467, 1537 и 1548 гг.)³²; с. Куноки (по грамоте 1471 г.)³³; тверские деревни с. Медны (по грамоте 1485 г.)³⁴; села Петровское и Андреевское (по грамотам 1513 и 1526 гг.)³⁵; с. Новое Поречье (по грамоте 1526 г.)³⁶; с. Дмитриевское (по грамоте 1532 г.)³⁷; села Станишино, Васильевское и Савастьяново (по грамоте 1548 г.)³⁸.

²⁶ АСЭИ, т. I, № 572.

²⁷ ГБЛ, Собр. актов Беляева, № 1/28.

²⁸ АСЭИ, т. I, № 29, 115.

²⁹ Там же, № 221.

³⁰ Там же, № 237, 458.

³¹ Там же, № 289, 337.

³² Там же, № 345; ЦГАДА, ГКЭ, по Верее, № 7/2334, 12/2339; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 107, 255.

³³ АСЭИ, т. I, № 400.

³⁴ Там же, № 518.

³⁵ АГР, т. I, № 32; ЛОИИ, Собр. Головина, № 52; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 98.

³⁶ ЛОИИ, Собр. Головина, № 52; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 98.

³⁷ ЦГАДА, ГКЭ, по Звенигороду, № 9/4683; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 100.

³⁸ ААЭ, т. I, № 217.

В общей троицкой грамоте 1544 г., отражающей весь состав вотчины монастыря в середине 40-х годов, из перечисленных сел отсутствуют Удинское, Микульское, Куноки и Андреевское. Удинское во второй половине XV в., очевидно, слилось с Прилуцким и стало по его имени называться Прилуки³⁹ (с. Прилуки в грамоте 1544 г. фигурирует). Судьбы сел Микульского, Куноки и Андреевского нам не вполне ясны⁴⁰.

Села Илемна, Станишино, Васильевское и Савастьяново в конце 1540 — начале 1550-х годов находились в уделе Владимира Андреевича Старицкого⁴¹.

Села Прилуки, Шухобалово, Микульское, Федоровское, Кувакино и дворы в Дмитрове не имели в 1540-х годах тарханно-оброчного статуса. Тарханно-оброчные грамоты 1411, 1434—1447, 1448/49, 1450, 1461, 1463, 1478 гг. не были подтверждены не только Василием III и Иваном IV, но и Иваном III⁴². Для с. Удинского уже льготная грамота 1455 г. создала новый иммунитетный статус, ликвидировав тем самым прежнее оброчное право⁴³. В отношении сел Шухобалова и Микульского действие тарханно-оброчной грамоты 1448/49 г., не подтвержденной в последующие годы, перекрывалось действием тарханной грамоты 1469 г., подписанной на имя Василия III в 1505 г. и Ивана IV в 1534 г. и содержавшей безоброчное освобождение от яма, подводы, мыта, тамги и т. п.⁴⁴ Грамоты 1450 и 1478 гг., касающиеся Федоровского и Кувакина, вполне заменялись подтвержденной в 1534 г. грамотой 1517 г. на «село Федоровское с деревнями», по которой монастырские крестьяне были обязаны платить ямские деньги и исправлять посешную службу (согласно формуле «опричь ямских денег и посешные службы») ⁴⁵. Дмитровские дворы монастыря также пользовались новым

³⁹ АСЭИ, т. I, стр. 728, 734.

⁴⁰ О них см. там же, № 176, 221—223, 315, 316, 388, 400, стр. 719, 722. Микульское и Андреевское еще в 1537 г. были троицкими селами (ГБЛ, Тр. кн. 519, № 88; кн. 527—529, № 253).

⁴¹ ЦГАДА, ГКЭ, по Верее, № 12/2339; ААЭ, т. I, № 217.

⁴² Без подтверждений остались также грамота 1471 г. на с. Куноки и грамота 1467 г. на с. Илемну, хотя последняя получила фактическое подтверждение в 1537 и 1548 гг.

⁴³ АСЭИ, т. I, № 254.

⁴⁴ Там же, № 388.

⁴⁵ ЦГАДА, ГКЭ, по Костроме, № 32/4999; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 207.

статусом по грамоте 1534 г., освобождавшей только от мыта, тамги и ряда других пошлин: тарханно-оброчная статья в ней отсутствовала⁴⁶.

На с. Петровское имелась грамота Ивана IV от 9 февраля 1534 г.⁴⁷ и подтвержденная 27 февраля 1534 г. тарханно-оброчная грамота 1513 г. Грамота 1534 г. не являлась тарханно-оброчной. Она освобождала от мыта, явки и других сравнительно мелких пошлин. Какая из этих грамот была в середине 1540-х годов действующей, определенно сказать нельзя. Поскольку содержание одной не исключало действия другой, можно предположить, что грамота 1534 г. не заменяла грамоту 1513 г., а лишь дополняла ее⁴⁸. Оброчный статус Нового Поречья, о котором нам известно из указной грамоты 1526 г., не подписанной на имя Ивана IV, получил в 1534 г. санкцию в подтвердительной подписи к льготной грамоте 1532 г.: по истечении (в 1542 г.) десятилетнего срока льготы монастырю надлежало «оброк... платити с того села и з деревень по грамоте»⁴⁹. В 1534 г. была подтверждена и тарханно-оброчная грамота 1532 г. на с. Дмитриевское. Таким образом, Петровское, Новое Поречье и Дмитриевское — это те реальные оброчные села XVI в., о которых могла идти речь в грамоте 1550 г. Однако, поскольку они фигурировали в льготной грамоте 1544 г.⁵⁰, можно предполагать, что в связи с прекращением общей льготы в 1548 г. на них стремились распространить общие правила уплаты налогов и ликвидировать особый оброчный статус. Срок троицкой льготы истекал 17 марта 1548 г. В апреле 1548 г. правительство подтвердило тарханно-оброчные грамоты 1547 г. Никольскому Песношскому⁵¹ и Тверскому Отмицкому⁵² монастырям. Подтверждение сводилось к отмене тарханно-оброчного принципа и к введению сбора ямских денег «с сох по разводу».

⁴⁶ АГР, т. I, № 43.

⁴⁷ ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 240.

⁴⁸ В аналогичном юридическом положении оказалось в 1534 г. с. Андреевское (см. ЦГАДА, ГКЭ, по Рузе, № 28/10259).

⁴⁹ АТН, вып. II, № 6.

⁵⁰ В грамоте 1544 г. читаем «Поречье» вместо «Новое Поречье».

⁵¹ К. Ф. К а л а й д о в и ч. Историческое и топографическое описание монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. М., 1837, стр. 110—115, № III; стр. 116—122, № IV.

⁵² «Тверские губернские ведомости», 1854, № 50, ч. неофициальная, стр. 153—154, гр. 4.

Совершенно ясно подтвердил тарханно-оброчное право в 1548 г. Владимир Андреевич Старицкий для сел Илемны, Станишина и др. Но, вероятно, грамота 1550 г. не могла иметь их в виду, так как они вошли в удел старицкого князя и оброк с них поступал в удельнокняжескую казну.

Из всех тарханно-оброчных грамот на троицкие владения самым беспорным документом в 1550 г. была, очевидно, грамота 1485 г., касавшаяся тверских деревень с. Медны, ибо она получила полное подтверждение 19 августа 1549 г.

В грамоте 1550 г. говорится об уплате оброка «в нашу казну по грамотам». В большинстве тарханно-оброчных грамот указано, что оброк должен вноситься непосредственно в казну сюзерена (в формулах «мне... в мою казну», «мне», «в мою казну», «в мою казну моему казначею»). Однако некоторые грамоты предписывали отдавать оброк местным сборщикам. Укажем порядок уплаты оброка по оброчным грамотам.

В казну		Местным сборщикам		
год	объект	год	объект	сборщик
1434—1447	с. Удинское	14 ¹	с. Удинское	сотник
1448/49	с. Шухобалово	1513	с. Петровское	данщик
1448/49	с. Микульское	1526	с. Петровское	городовой приказчик
1450	с. Федоровское	1513	с. Андреевское	данщик
1478	с. Федоровское			
1461	двор в Дмитрове	1526	с. Андреевское	городовой приказчик
1463	2 двора в Дмитрове	1526	с. Новое Поречье	городовой приказчик
1467	с. Илемна			
1537	с. Илемна			
1548	с. Илемна			
1471	с. Куноки			
1485	деревни с. Медны			
1532	с. Дмитриевское			
1548	с. Станишино			
1548	с. Васильевское			
1548	с. Савастьяново			

Из троицких владений, находившихся в пределах царства и имевших во второй четверти XVI в. оброчный статус, два села (Петровское и Новое Поречье) «по грамотам» были обязаны платить оброк местным сборщикам, а деревни с. Медны и с. Дмитриевское — в казну сюзерена. Однако для деревень с. Медны в грамоте 1485 г. указана, по-видимому, не центральная казна Ивана III, а казна великого князя Ивана Ивановича Молодого, для с. Дмитриевского — казна удельного князя Юрия Ивановича⁵³. При подтверждении грамот на эти вотчины правительством Ивана IV понятие «казна», возможно, механически изменилось и под «казной» стала подразумеваться центральная казна. Даже если это так, реальными источниками постановления грамоты 1550 г., требующего уплаты оброка в московскую казну, оказываются всего два документа — грамота 1485 г. на тверские деревни с. Медны и грамота 1532 г. на с. Дмитриевское. Вместе с тем ясно, что в грамоте 1550 г. тарханно-оброчное правило вводилось шире и, вероятно, распространялось на села, давно утратившие оброчный статус.

Возможное расширение сферы применения оброчного принципа в грамоте 1550 г. объясняется, очевидно, установлением в ней общего для всей троицкой вотчины принципа уплаты ямских денег в Москве.

Имело ли в свою очередь постановление грамоты 1550 г. о ямских деньгах источники среди троицких грамот? В грамоте 1550 г. краткая характеристика содержания предшествующих грамот «прадеда нашего... и наших» оканчивается фразой: «а ямские деньги велено платити им у нашия казны на Москве дяком».

Нам не удалось обнаружить в троицком архиве грамоту, посвященную только ямским деньгам. Очевидно, ее и не могло быть. В грамотах 1555—1556 и 1564 гг. об уплате податей в Большой приход Кирилло-Белозерским монастырем указаны не ямские деньги отдельно, а ямские деньги и примет или более широкий круг налогов⁵⁴.

⁵³ Во всех остальных тарханно-оброчных грамотах (кроме грамот 1448/49 и 1537 гг.) также имеется в виду не великокняжеская казна: большинство грамот было выдано удельными князьями, две грамоты (1450 и 1478 гг.) — великими княгинями.

⁵⁴ П. А. С а д и к о в. Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950, стр. 422—424; Катаев и Кабанов, № 1/36; ЛОИИ, Собр. Шегрена, № 10; ГПБ, Q—IV—1136, стр. 413—416, 531—534. Наличие в упомянутых подтверждениях 1548 г. к грамотам Песнопскому и

Общей грамоты, требующей уплаты ямских денег с троицких владений в Москве, бесспорно, не было до марта 1548 г. — срока, когда прекращалось действие общей льготной грамоты 1544 г., освобождавшей от ямских денег. Среди грамот марта 1548 — августа 1550 г. искомой грамоты тоже нет. По аналогии с указными грамотами 1555—1556 гг. об уплате податей Кирилло-Белозерским монастырем мы вправе думать, что даже общие для всей монастырской вотчины постановления такого рода фиксировались обычно не в отдельной жалованной грамоте, а в серии указных грамот, рассылаемых по уездам городовым приказчикам. Подобную серию однотипных грамот (правда, более позднего времени — 1584 г.), разрешавших монастырским властям «наши всякие доходы платити в нашу казну самим», находим и в троицком архиве⁵⁵. Едва ли случаен тот факт, что в сравнительно хорошо сохранившемся архиве Троице-Сергиева монастыря не обнаруживается ни одной грамоты 1548—1550 гг. из предполагаемой серии. Скорее всего, не было и самой серии.

Следовательно, в грамоте 1550 г., при всей широковещательности ссылки на прежнее постановление, могли иметься в виду лишь грамоты на отдельные владения, содержащие, наряду с правилом уплаты ямских денег, и другие пункты.

Тарханно-оброчные грамоты не были прямым источником постановления о ямских деньгах в грамоте 1550 г., поскольку, во-первых, в большинстве из них отсутствует сам термин «ямские деньги» (исключение составляют грамоты 1537 и 1548 гг. на верейские и старицкие села), во-вторых, «ям» или «ямские деньги» не выделяются в них из общей суммы оброка.

Наиболее близкими источниками исследуемого постановления (17а) оказываются две указные грамоты 1538 г. В одной из них, касающейся старинных троицких сел Кумганова и Медны Новоторжского уезда и 10 деревень Тверского уезда, сказано: «а присылают с тех своих монастырских сел и з деревень ямские денги и примет и вытны

Отмицкому монастырям постановления о ямских деньгах не только не доказывает возможности выдачи особой грамоты, посвященной исключительно ямским деньгам, но приводит как раз к обратному заключению: проблема ямских денег решалась в 1548 г. не в специальной новой грамоте, а в подтверждении к старой жалованной грамоте.

⁵⁵ К а ш т а н о в. Копийные книги, стр. 40.

деньги игумен... з братьею на Москву к нашей казне сами»⁵⁶.

В другой грамоте, относящейся к дмитровским селам Подчорткову и Кунилово, правительство требовало, чтобы городской приказчик «с тех троицких крестьян з дву сел и з деревень в Дмитрове примету и ямских денег не имал. А велел есмь троицким крестьяном тех сел и деревень свои ямские денги и примет платити на Москве у книг. И как к нам на Москву съ ямскими деньгами поедешь, и ты б Троецкого Сергиева монастыря крестьяном тех дву сел... з деревнями срочил ехати к Москве съ ямскими денгами и с приметом с собою вместе»⁵⁷. Судя по отсутствию в грамотах 1538 г. ссылок на прецеденты или какие-нибудь общетроицкие юридические принципы, это правило было новым, но вместе с тем вводимым не для всей вотчины, а лишь для некоторых конкретных объектов. Насколько известно по сохранившимся актам, сельцо Кумганово не обладало письменно закрепленными податными привилегиями — вероятно, около 1538 г. главнейшие налоги взимались с него в обычном порядке. Село Медна освобождалось от дани, яма, подводъ и т. д. еще грамотой 1485 г., которая, однако, не получила подтверждений ни в 1505 г., при Василии III, ни в 1534 г., при Иване IV⁵⁸, вследствие чего считалась в 1538 г. недействительной. Специальную грамоту 1485 г., тоже не подтвержденную в 1505 и 1534 гг., монастырь имел на 10 тверских деревень с. Медны, упомянутых в грамоте 1538 г.⁵⁹ Освобождение от дани, яма, подвод и других пошлин сочеталось в ней с постановлением, принуждавшим монастырь давать в великокняжескую казну «с тех десяти деревень оброку з году на год... по полтине». Не исключено, что в первой трети XVI в. постановление 1485 г. обходилось правительством и местными агентами из-за неподтвержденности грамоты. Но, видимо, именно оно послужило юридической почвой для

⁵⁶ С. Шумаков. Тверские акты. Тверь, 1896, № IV, стр. 22—23.

⁵⁷ ЦГАДА, ГКЭ, по Дмитрову, № 54/3766; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 261.

⁵⁸ АСЭИ, т. I, № 517.

⁵⁹ Там же, № 518. В тексте грамоты говорится «с... десяти деревень», но перечислено всего девять деревень. Эти же деревни упоминаются в грамоте 1538 г. (нет только дер. Заболотье). Кроме того, в грамоте 1538 г. фигурируют деревни «Павловское» и «Попок», не названные в грамоте 1485 г.

введения во всем новоторжско-тверском комплексе троицких вотчин того принципа сбора податей, который декларировался в грамоте 1538 г. Сравнительно со старым оброчным принципом 1485 г. принцип 1538 г. был новым. Это первая причина, почему в грамоте 1538 г. нет ссылки на грамоту 1485 г. Другими причинами были: 1) отсутствие в грамоте 1485 г. подтвердительных подписей 1505 и 1534 гг. и 2) локально-ограниченный характер ее действия, не распространявшегося на сами села Кумганово и Медну. Преемственность нового принципа уплаты податей от старого оброчного принципа косвенно свидетельствует о том, что новый принцип, закрепленный в грамоте 1538 г., вводился не везде, а только там, где существовала оброчная традиция.

Села Подчортково и Кунилово Дмитровского уезда в 1538 г. были новыми владениями Троицкого монастыря. Сельцо Кунилово поступило в монастырь по указной грамоте от 5 апреля 1538 г.⁶⁰ 17 мая 1538 г. правительство выдало Троице-Сергиеву монастырю несудимую, заповедную и двусрочную грамоту на несколько новых сел, в том числе на Подчортково и Кунилово⁶¹. Других грамот, определявших их иммунитетный статус, до 22 июня 1538 г. не было. 22 июня появилась цитированная выше указная грамота дмитровскому городскому приказчику о порядке уплаты крестьянами сел Подчорткова и Кунилова ямских денег и примета. Интересно, что села Звягино, Никоново и Назарьевское, упомянутые в майской несудимой грамоте 1538 г. вместе с Подчортковым и Куниловым, не получили этой привилегии. Чем же объясняется исключительное положение Подчорткова и Кунилова? По-видимому, тем, что они находились в Дмитровском уезде, где в первой трети XVI в. сложились наиболее сильные тарханно-оброчные традиции (не следует их, однако, отождествлять с правом уплаты оброка в Москве). Именно здесь находились уже упоминавшиеся троицкие села Петровское и Новое Поречье. Правительство ввело в новых дмитровских селах статус, близкий к порядкам, характерным для ряда дмитровских вотчин крупных духовных феодалов. Московским же селам рассматриваемая привилегия не была

⁶⁰ ГБЛ, Тр. кн. 521, л. 129 об.

⁶¹ ГИМ, ОПИ, Увар. карт. 66/20, I отдел, № 4; ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 257.

дана, так как в Московском уезде отсутствовала тарханно-оброчная традиция.

Таким образом, в конце 30-х годов принцип уплаты податей в Москве проводился не в общетроицком масштабе. Он возник лишь применительно к отдельным владениям на почве распространения на них и модификации старого оброчного принципа, также не имевшего общетроицкого сферы действия. По сравнению с оброчным принципом новое правило означало дальнейшее ограничение феодального иммунитета, ибо вместо льготной суммы всезаменяющего оброка иммунитет обязывался к уплате податей в дифференцированном виде и сполна. Вместе с тем в ряде конкретных случаев, как, например, с селами Кумгановым, Медной, Подчортковым и Куниловым, новый принцип был льготным по сравнению с вводившимися в широких масштабах раскладкой и сбором налогов через местную финансовую администрацию, получавшую фактически право вторжения в иммунитетные вотчины.

Ссылка грамоты 1550 г. на порядок уплаты ямских денег в Москве как на общее для всей троицкой вотчины правило не соответствовала действительности. Ссылка эта исходила из практики лишь отдельных монастырских сел, закрепленной в грамотах 1538 г.

Почему же возникла необходимость в подобной частичной фальсификации истинного положения вещей?

После истечения 17 марта 1548 г. срока действия общей льготной грамоты 1544 г. почти все троицкие вотчины, фигурировавшие в ней, лишились свободы от ямских денег, пососной службы, городского дела и т. д. В указной грамоте, посланной 10 августа 1548 г. городовым приказчикам в Боровск⁶², фигурируют села Передол и Почап, названные в грамоте 1544 г. наряду с другими троицкими владениями в качестве объектов пожалования. В грамоте 1548 г. сказано, что боровский городской приказчик взимал с крестьян этих сел ямские деньги за 7055 (сентябрь 1546 — август 1547) и 7056 (сентябрь 1547 — август 1548) гг. в обход жалованной грамоты (1544 г.). Городовому приказчику запрещалось брать ямские деньги, пососных людей «и всяких податей» «до урочных лет». Формула «до урочных лет» в грамоте, выданной 10 августа 1548 г., т. е. после истечения срока льготы 17 марта 1548 г., выглядит как будто

неуместной, однако ее употребление вполне понятно. Правительство отменяло те меры городского приказчика, которые нарушали монастырский податный статус конца 1546 — начала 1548 г.; кроме того, хотя новый, нельготный статус юридически вступал в силу 17 марта 1548 г., практически он должен был установиться именно после августа 1548 (7056) г. с наступлением в сентябре 1548 г. нового, 7057 г.

Боровский городской приказчик, воспользовавшись официальным прекращением действия грамоты 1544 г., слишком поспешил со сбором ямских денег: не прошло и пяти месяцев с 17 марта 1548 г., как он собрал деньги за 7056 г., несмотря на то, что подати за первую половину этого года (с сентября 1547 г. до 17 марта 1548 г.) вообще не подлежали уплате. Кроме того, он взял деньги за прошлый, целиком льготный 7055 г.

Таким образом, вывод ясен: ямские деньги совершенно не должны были взиматься с троицких вотчин в течение четырех лет согласно формуле грамоты 1544 г. «ни ямские деньги» и подтверждению 1546 г., но по истечении урочных лет в 1548 г. они начали взиматься на местах городовыми приказчиками, и правительство еще в августе 1548 г. не ставило даже вопроса о каком-либо другом порядке сбора ямских денег, пресекая лишь злоупотребления местных властей.

Села Передол и Почап не имели ни тарханно-оброчного статуса, ни права доставлять подати в Москву, минуя местных сборщиков. В указной грамоте 1537 г. боровским городовым приказчикам прямо сказано, что крестьяне этих сел «ямские ... денги платят и пососную службу и городовое дело поделявают у вас в Боровску»⁶³. Однако и на более привилегированные в прошлом владения, перечисленные в грамоте 1544 г., после 1548 г. была, по-видимому, возложена в общем порядке обязанность платить ямские деньги городовым приказчикам, давать по их требованию пососных людей и делать городовое дело. В грамоте 1550 г. заявление о том, что «приказчики де наши городовые ямские денги с них емлют по городом», приведено в описании нарушений прежних грамот. Но юридически с 1548 г. городовые приказчики имели полное право собирать ямские деньги с большинства владений Троице-Сергиева монастыря. Никаких новых подтверждений ста-

⁶² АТН, вып. II, № 14.

⁶³ Там же, № 10.

рых привилегий монастыря в апреле 1548 — августе 1550 г. не было.

Известно только одно исключение из этого правила. 19 августа 1549 г. правительство полностью подтвердило две грамоты 1485 г. Троице-Сергиеву монастырю: тарханную на с. Медну и тарханно-оброчную на 10 деревень с. Медны⁶⁴. Подтвердительных подписей 1549 г. на других троицких актах мы не находим. Села Кумганово и Медна с деревнями названы в числе монастырских владений в общей грамоте 1544 г. Вероятно, истечение срока ее действия в 1548 г. привело к распространению на Медну общего порядка сбора податей уездной финансовой администрацией.

Таким образом, для Медны с деревнями оказалось нарушенным известное нам постановление указной грамоты 1538 г. По-видимому, желая восстановить его, правительство и подтвердило грамоты 1485 г. Мы считаем, что грамота 1538 г. не была подписана на царское имя по двум причинам: во-первых, указные грамоты чаще всего не перетверждались, во-вторых, в середине XVI в. правительство предпочитало полностью подтверждать старые акты как менее обязательные для него и фиксировавшие полуизжитые нормы. На деле же, вероятно, подтверждение грамот 1485 г. означало реставрацию принципа 1538 г.

Восстановление в августе 1549 г. принципа 1538 г. самой своей исключительностью демонстрирует отсутствие в 1549 г. нового указа о ямских деньгах, общего для всех владений Троице-Сергиева монастыря: в случае наличия такого указа вряд ли потребовалось бы специальное подтверждение принципа 1538 г. применительно к отдельным владениям. С появлением в июне 1550 г. Судебника, запретившего выдачу новых тарханов и объявившего пересмотр старых⁶⁵, ямские деньги стали взиматься, по-видимому, и с тех троицких владений, которые были освобождены от них грамотами, выданными между 17 марта 1544 и сентябрем 1550 г.⁶⁶, т. е. не утратившими, как грамота 1544 г., юридической силы в 1548 г.⁶⁷ В создавшейся слож-

ной обстановке монастырь выдвинул предложение о взаимоприемлемом решении вопроса. Он не просил вновь полного освобождения от ямских денег, а ссылался фактически на прецедент 1538 г., применив его только к ямским деньгам, и по существу рекомендовал превратить этот частный принцип в общее правило для троицкой вотчины.

Это предложение было выдвинуто не случайно. С одной стороны, правительство еще в 1549 г. продемонстрировало благожелательное отношение к принципу уплаты ямских денег в Москве, подтвердив грамоты 1485 г., т. е. практически восстановив действие указной грамоты 1538 г. С другой стороны, общетроицкое введение нового принципа означало ликвидацию полной свободы от ямских денег, провозглашенной некоторыми тарханскими грамотами конца 40-х годов, не утратившими юридической силы после 1548 г. Таким образом, предложение было компромиссным, и правительство, нуждаясь в политической поддержке Троице-Сергиева монастыря, пошло навстречу его просьбе.

дебника 1550 г. (П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М., 1947, стр. 117). Эту грамоту прокомментировал также Б. А. Романов, знавший ее только по книге П. П. Смирнова («Судебники XV—XVI веков», стр. 228—229). Правда, ни тот, ни другой не учитывали, что для большинства троицких вотчин тарханские привилегии оказались ликвидированными уже в 1548 г. Не учитывает этого и Н. Е. Носов, который говорит лишь о нарушениях 1549—1550 гг. и неверно утверждает, что Троицкий монастырь со времен регентства Елены Глинской имел право сам собирать со своих вотчин (имеется в виду — всех) ямские деньги и отвозить их в «Казенный приказ» (Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969, стр. 232—238, особенно стр. 234). Автор счел возможным игнорировать как наше исследование о грамоте 1550 г., так и публикацию ее текста, хотя они появились в 1966 г. (С. М. Каштанов. Общие жалованные грамоты..., стр. 104—141). Н. Е. Носов ссылается лишь на отрывок списка в собрании актов Беляева (№ I/97) и на копию грамоты в Тр. кн. 527 (Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 232, прим. 300). Правда, при этом непонятно, откуда он берет сведения об ограничении грамоты в мае 1551 г. (там же, стр. 238), ибо ни в Бел. I/97, ни в Тр. кн. 527 ограничение не приводится. Это ограничение содержится только в опубликованном нами тексте (С. М. Каштанов. Общие жалованные грамоты..., стр. 141; ср. стр. 115—121; упоминание об ограничении: XII, II, № 625).

⁶⁴ АСЭИ, т. I, № 517 и 518.

⁶⁵ «Судебники XV—XVI веков». М.—Л., 1952, стр. 153, ст. 43 Судебника 1550 г.

⁶⁶ XII, I, № 510, 538, 555, 562, 565, 571, 578.

⁶⁷ П. П. Смирнов считал, что выдача грамоты 1550 г. была обусловлена нарушением всех троицких привилегий после издания Су-

§ 5. Роль общей грамоты 1550 г.
после отмены тарханов в 1551 г.
Соотношение ее с общей грамотой

Владимира Андреевича Старицкого 1566 г.

Очень важно знать, в какой мере сохранила грамота 1550 г. свою действенность после общей ревизии тарханов в мае 1551 г. В списках XVII в. (кн. 527—529) вслед за текстом грамоты помещено подтверждение: «Подписи на грамоте. Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси по сей грамоте пожаловал Троицкого Сергиева монастыря игумена Серапиона з братьею, или хто по нем иный игумен будет, сее у них грамоты рудити не велел никому ничем. Лета 7059-го, февраля в 9 день»⁶⁸. Далее список кн. 528 расходится со списками кн. 527 и кн. 529. В кн. 528 читаем: «А подписал дьяк Юрьи Сидоров. Печат. у грамоты на черном воску» (л. 460 об.). В кн. 527 и кн. 529 написано: «Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси сеи грамоты слушал и, выслушав сю грамоту, живоначальные Троицы Сергиева монастыря богомольца своего игумена Артемия з братьею, или хто по нем иный игумен будет, пожаловал: велел сю грамоту подписати на свое цареве и великого князя имя и сеи у них грамоты рушати не велел никому ничем. Подпись дьяка Юрья Сидорова. Печатъ у грамоты на черном воску» (кн. 527, л. 280 об.; кн. 529, л. 348 об.). Во всех книгах текст грамоты 1550 г. копировался не с подлинника, что видно из фразы: «Печатъ у грамоты на черном воску» (в XVI в. к великокняжеским жалованным грамотам привешивались красновосковые печати). В грамоте 1550 г. предписывалось изготовить с грамоты монастырские списки с монастырскою печатью и разослать их по городам, волостям и мытам. Упомянутая в копийных книгах «печатъ на черном воску» и есть печать Троице-Сергиева монастыря. Для большинства грамот книги 527 и 528 дают идентичный или близкий текст (за исключением орфографических особенностей), поэтому разночтения, имеющиеся в текстах списков с грамоты 1550 г. в кн. 527 и кн. 528 (список кн. 529 мы спе-

циально не рассматриваем, так как он является копией списка кн. 527), кажутся не совсем обычными. Вероятно, тексты в кн. 528 (более ранней) и кн. 527 основаны на двух разных монастырских списках с грамоты 1550 г. В одном списке имелось только подтверждение от 9 февраля 1551 г., в другом — два подтверждения: от 9 февраля и второе недатированное. О наличии в подлиннике нескольких подтверждений свидетельствуют оба списка фразой «Подписи (во множественном числе.— С. К.) на грамоте». Часть, общая для обоих списков (подтверждение от 9 февраля 1551 г.), изложена, по-видимому, без отступлений от текста оригинала. Второе подтверждение кн. 527 выглядит неполным хотя бы из-за отсутствия даты в начале его, ибо все известные подтверждения троицких грамот Артемию начинались словами «Лета 7059-го, мая...».

В копиях кн. 637 текст грамоты 1550 г. сохранился начиная со слов «опричь душегубства и розбоя с поличным и татьбы». Изложение последующих статей не расходится с текстами копийных книг XVII в., хотя исправнее их в некоторых деталях. После текста грамоты сразу подтверждение мая 1551 г. Оно отличается от подтверждения в кн. 527 наличием даты в начале («Лета 7059-го, мая в 17 день») и ограничительного пункта:

Кн. 527, л. 280 об.	Кн. 637, л. 410
«сеи у них грамоты рушати не велел никому ничем».	«сеи у них грамоты рушати не велел никому ничем, опричь ямских денег и посошныя службы и тамги: то им давати. А велел у них... ходити по тому, как всей грамоте на подписи подписано».

Какой из этих текстов является более достоверным? Сточки зрения формы и соответствия известным образцам — безусловно, текст кн. 637. Для проверки его достоверности по существу обратимся к жалованной грамоте удельного князя Владимира Андреевича Старицкого архимандриту Троице-Сергиева монастыря Кириллу от 25 августа 1566 г.⁶⁹

⁶⁹ Подлинник: ЦГАДА, ГКЭ, по Переяславлю-Залесскому, № 227/8951. Списки XVII в.: ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 113. Опубликована по списку кн. 527: ААЭ, т. I, № 273.

⁶⁸ Н. Е. Носов ошибочно утверждает, что подтверждение от 9 февраля 1551 г. было сделано на имя Артемия, и на этом основании строит концепцию о важнейшей с политической точки зрения замене в начале 1551 г. «ярого иосифлянина» Серапиона «одним из лидеров нестяжателей» Артемием (Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 238).

С. А. Шумаков подозревал, что грамота 1566 г. фальсифицирована: «Грамота, писанная тремя почерками и чернилами и очень шероховато изложенная. — Фальсификация? *Pia desiderata* м-ря?»⁷⁰. В подлиннике, написанном на трех листах, с середины л. 2 почерк действительно изменяется. Вариации в почерке наблюдаются и на л. 3, где, в частности, заключительная фраза («Писан на Москве лета 7074, августа в 25 день») написана другим почерком и другими чернилами. Изменение почерка в середине грамоты, особенно в середине фразы, без какого-либо видимого изменения смысла текста, само по себе еще не свидетельствует о подложности документа. Другой почерк и другие чернила в заключительной фразе характерны как раз для подлинных грамот.

Неоснователен и упрек в шероховатости изложения. В грамоте мы не находим никаких анахронизмов и других погрешностей, позволяющих усомниться в ее подлинности. С. А. Шумаков не дал исчерпывающей палеографической характеристики грамоты. Он не коснулся, например, оборотной стороны грамоты. Заклейки на обороте первого листа скрыли подпись имени Владимира Андреевича, зато на сставах написано: «Диак (между лл. 1—2. — *С. К.*) Иван Гаврилов» (между лл. 2—3). Подпись дьяка сделана почерком и чернилами, отличными от почерков и чернил текста грамоты. Эта особенность свойственна подлинным грамотам, а не спискам, в которых текст на лицевой и оборотной сторонах писался одним и тем же переписчиком.

С. А. Шумаков игнорировал и такой важный показатель, как водяной знак бумаги. На л. 1 водяного знака обнаружить не удалось; на лл. 2 и 3 отчетливо различается филигрань в виде гербового щита, рассеченного вертикально пополам: в одной половине — половина коня, в другой — половина орла. Тожественный водяной знак⁷¹ просвечивает на бумаге подлинной жалованной грамоты от 1 августа 1566 г. того же князя Владимира Андреевича Троице-Сергиеву монастырю⁷². В грамоте от 25 августа 1566 г. оторвана нижняя часть л. 3, к которой должна была быть привешена княжеская печать. Грамота от 1 августа

1536 г. имеет черновосковскую удельнокняжескую печать на красном шнуре, ставящую подлинность этого документа вне сомнений. Таким образом, совпадение водяных знаков подлинной по всем признакам грамоты от 1 августа 1566 г. и грамоты от 25 августа 1566 г. решительно говорит за подлинность последней.

Вероятно, грамота была оформлена не сразу, а писалась в несколько приемов, разными подьячими. Это объясняется исключительным значением грамоты. Она касалась троицких владений в пределах всего княжества Владимира Андреевича Старицкого и даже могла быть использована для распространения закрепленных в ней правовых норм на троицкие вотчины, находившиеся вне пределов удельного княжества. Возможно, составление грамоты прерывалось попутной проверкой монастырских прав и вмешательством представителей центрального правительства.

Грамота 1566 г., как и грамота 1550 г., начинается со ссылки на прежние жалованные грамоты на троицкие и киржацкие села, деревни, слободы, дворы и соляные варницы, причем оба документа говорят о прежних жалованных грамотах почти в одинаковых выражениях. Далее грамота 1566 г. ссылается на «болшую» жалованную грамоту царя Ивана Васильевича «на всю их монастырскую вотчину да на их монастырские на троецкие и на пречистые Благовещения Киржатцкого монастыря на села и на деревни и на слободы и на дворы и у солей на варницы». Краткая характеристика иммунитетной части этой грамоты, данная в грамоте 1566 г., целиком соответствует содержанию грамоты 1550 г.

Затем в грамоте 1566 г. пересказывается ограничительное подтверждение, датированное 17 мая 1551 г., и говорится: «А велено деи им та грамота держати в монастыре впрок, а по городом де и по волостем ко всяким пошлинником велено им с тое грамоты посылати список слово в с ово с монастырскою печатью». Цитированное место является простым повторением соответствующего постановления грамоты 1550 г. Монастырь просил, чтобы ему была выдана «жалованная грамота такова ж, какова у них жалованная грамота на всю их монастырскую отчину». Иммунитетные части грамот 1566 и 1550 гг. совпадают; и ключение составляют только постановления 5, 11 грамоты 1550 г., которые в грамоте 1566 г. опущены, и постановление 15 (по грамоте 1566 г. — 13), где вместо Переслав-

⁷⁰ С. Шумаков. Обзор «грамот коллегии экономии», вып. IV. М., 1917, стр. 507, № 1397.

⁷¹ Лихачев, № 2995.

⁷² ГБЛ, Собр. актов Беляева, № 1/133 («Журнал 103-го заседания Тверской ученой архивной комиссии». Тверь, 1907, стр. 71).

ского и Радонежского уездов названы уезды Боровский, Звенигородский, Романовский и Стародубский. Таким образом, все данные сравнительного анализа грамот 1566 и 1550 гг. приводят к выводу, что грамоту 1566 г. Владимир Андреевич выдал по грамоте 1550 г.

В грамоте Владимира Андреевича сообщается, что 17 мая 1551 г. грамота Ивана IV была подтверждена «опрочьямских денег и посошные службы и тамги: то де им довати»⁷³. Следовательно, текст списка грамоты 1550 г. в кн. 637 и показание грамоты 1566 г. о содержании подтверждения грамоты 1550 г. в 1551 г. полностью совпадают.

При составлении грамоты 1566 г. удельнокняжеское правительство пользовалось не подлинником грамоты 1550 г., а списком «с келарьскою печатью». Свидетельствует ли это против подлинности приведенного в грамоте ограничения 1551 г.? Очевидно, нет. Монастырь не мог быть заинтересован в переделке полного подтверждения на ограниченное, уменьшавшее его привилегии, тем более в такой ответственный момент, как выдача новой грамоты по старой. Достоверность списка 1566 г. выясняется также из сравнения вступительной части грамоты 1566 г. с соответствующим текстом в дошедших списках грамоты 1550 г.

В подлиннике грамоты 1566 г. налицо правильный перечень великих князей от Василия II (правда, с ошибочным для него титулом великого князя «всая Руси») до Ивана IV. В сохранившихся списках грамоты 1550 г. имеется явный пропуск текста между словами «Василья» и «Ивановича» (пропущены имена Василия Темного и Ивана III). А раз доказано, что грамота 1566 г. основывалась на грамоте 1550 г., естественно считать, что в списке 1566 г. грамоты 1550 г. этого пропуска не было. Наличие замеченного пропуска не только в копийных книгах XVII в., но и в недатированном отрывке грамоты 1550 г.⁷⁴ — лишнее свидетельство неподлинности последнего. Вероятно, он является позднейшей монастырской копией. С другой стороны, одинаковая ошибка во всех четырех списках грамоты 1550 г. говорит о сложившейся монастырской традиции в передаче ее текста. Такая традиция могла

⁷³ В ААЭ (т. I, стр. 310) опубликована неверная дата этого подтверждения — 7050 г. Ошибка объясняется тем, что в списке кн. 527, с которого грамота была напечатана в ААЭ, после «и» (50) пропущена цифра «8» (9). В подлиннике и в кн. 528 указан 7059 г.

⁷⁴ ГБЛ, Собр. актов Беляева, № 1/97.

возникнуть после 1566 г., ибо монастырский список 1566 г. еще правильно воспроизводил интересующую нас часть грамоты 1550 г. Вероятно, списки XVII в. с грамоты 1550 г. основаны на копиях, которые следует датировать временем позднее 1566 г. Впрочем, недатированный отрывок ближе к списку 1566 г., чем списки XVII в., где вместо «Благовещенья», например, читается «Богородицы».

Список в кн. 637 и список, который был использован в 1566 г. при выдаче грамоты Владимира Андреевича Старицкого, являются списками одной традиции: в обоих приведен полный текст ограничения и выпущено подтверждение февраля 1551 г. Это и не удивительно — списки почти синхронны. Л. И. Ивина установила, что в составе копияной книги № 637 до нас дошли тетради ранее неизвестной копияной книги, датируемой по водяным знакам, нумерации тетрадей, почерку и хронологии текстов концом 50 — началом 60-х годов XVI в. Отрывок списка грамоты 1550 г. помещен как раз в одной из этих тетрадей⁷⁵.

Имело ли ограничение 1551 г. практический смысл применительно к тексту грамоты 1550 г.? Ведь в ней и так не было освобождения от ямских денег, посошной службы и тамги: ямские деньги и посошных людей монастырь обязывался доставлять сам, а упоминание о тамге вообще отсутствовало.

Выражение «опричь ямских денег» в ограничительной подписи 1551 г. вело к отмене права монастыря самому собирать ямские деньги со всех своих вотчин и означало реставрацию финансовой власти городских приказчиков.

По аналогии с подписью 1551 г. на грамоте 1534 г. Вологодскому Ферапонтову монастырю можно предполагать, что подпись 1551 г. фактически отменяла и постановления грамоты 1550 г., разрешавшее уплату оброка по оброчным грамотам «в нашу казну». В грамоте 1534 г. предписывалось «давати ... за дань и за ямские денги и за примет и за посошной корм и за все поплины и за подводы... оброком ... по рублю... в мою казну». В подписи 1551 г. грамота подтверждалась «опричь ямских денег и посошные службы: то им давати; а оброк у них царь и великий князь велел

⁷⁵ Л. И. Ивина. Троицкий сборник материалов по истории землевладения русского государства XVI—XVII вв. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 27. М., 1965, стр. 156—161.

отставить»⁷⁶. Постановление 1548 г. в упомянутых грамотах 1547 г. Песношскому и Отмицкому монастырям показывает, что отмена оброчного принципа означала принуждение к сбору ямских денег «с сох по разводу», т. е. на местах. Формула же «опричь ямских денег...», применявшаяся в 1551 г. как всеобщий штамп, и была предназначена для унифицированного введения принципа уплаты ямских денег местным сборщикам.

Столь же реальным было ограничение 1551 г. и в отношении посошной службы. Формула «опричь... посошные службы...» сводилась к отмене постановления грамоты 1550 г., согласно которому монастырь имел право самостоятельно собирать посошных людей и отдавать их правительственным агентам. Теперь монастырь лишился этого права, сбор посошных с монастырских вотчин осуществлялся местными властями по их собственному усмотрению.

Конкретный характер ограничения можно видеть и в ликвидации монастырского права взимания тамги. В грамоте 1550 г. при изложении монастырского челобитья упомянуты троицкие дворники (представители монастыря в городах), торгующие «монастырским товаром». Взимание с них «пошлин» рассматривалось в качестве нарушения старых привилегий, а в постановлении 15 запрещалось брать «пошлины» с троицких людей Дмитровского, Переславского и Радонежского уездов. Таким образом, хотя грамота 1550 г. и не содержит прямого освобождения от тамги, в ней есть места, которые монастырь легко мог истолковать как разрешение его людям не платить таможенные пошлины государству.

Следовательно, все три пункта ограничения 1551 г. были сделаны по существу и наносили серьезный удар по монастырскому иммунитету.

§ 6. Датировка сгоревшей грамоты.

Списки общей грамоты 1550 г. в 60—70-х годах XVI в.

В своей грамоте 1566 г. Владимир Андреевич Старицкий не учел ограничительную подпись 1551 г. Здесь мы наблюдаем сознательное восстановление удельным князем важнейших монастырских привилегий при ликвида-

ции некоторых менее значительных (отмена постановлений 5, 11 грамоты 1550 г.). Подтвердительная подпись 1566 г. Владимира Андреевича на жалованных грамотах 1547 г. Песношскому и Отмицкому монастырям подкрепляет наш вывод: удельный князь, аннулируя ограничение 1548 г., запретил взимать с песношских и отмицких вотчин ямские деньги с сох по разводу и реставрировал правило оброчной уплаты податей. Следовательно, благодаря грамоте Владимира Андреевича 1566 г., Троице-Сергиев монастырь получил восстановление постановлений 17—18 грамоты 1550 г., во всяком случае для вотчин, находившихся в уделе.

После казни Владимира Андреевича в 1569 г. и ликвидации принадлежавшего ему удела потеряли юридическую силу и его жалованные грамоты. Они не были подписаны на имя Ивана IV. Царь был, однако, заинтересован в закреплении своей власти над землями казенного удельного князя, а Троице-Сергиев монастырь нуждался в переутверждении своих иммунитетных прав в новой грамоте Ивана IV, так как формальные узы по судебной-административной и финансовой линиям, имевшиеся между монастырем и царем, оказались в 1566—1568 гг. разорванными в отношении троицких владений, включенных в состав удельного княжества. Именно в 1569 г. и возникла у монастыря впервые потребность скрыть ограничительные пункты 1551 г. Вероятно, список 1569 г. с грамоты 1550 г., поданный на рассмотрение царю, уже отличался дефектностью. Правительство не обратило внимания на это, хотя и могло легко узнать о сути ограничения из подаваемого ему одновременно списка грамоты 1566 г. (вряд ли он тоже подвергся фальсификации — все сохранившиеся копии грамоты 1566 г. содержат текст ограничения 1551 г.). То, что грамота 1566 г. фигурировала при выдаче грамоты 1569 г., не вызывает сомнений.

Выше установлено отсутствие в сгоревшей грамоте имевшегося в грамоте 1550 г. постановления: «на яму с подводами не стоят и ямского двора не делают». Это правило было действительным для немалой части троицкой вотчины еще в 1567 г., когда территория, не находившаяся в уделе Владимира Андреевича, пользовалась правами, зафиксированными в грамоте 1550 г. Но в грамоте 1566 г. постановление 11 грамоты 1550 г. уже отсутствовало, а поскольку его не было и в сгоревшей грамоте, можно думать,

⁷⁶ РИБ, т. 32, стб. 220—224.

что ее составитель опирался в большей мере на текст грамоты 1566 г., чем на текст грамоты 1550 г. Точно так же разрешение монастырю самому платить подати и собирать посоху, которое, судя по цитированной ранее грамоте 1572 г., имелось в сгоревшей грамоте, соответствует тексту грамоты 1550 г. без ограничительной подписи 1551 г., т. е. тексту грамоты 1566 г.

Значит, хотя монастырь и фальсифицировал в 1569 г. содержание грамоты 1550 г., пожалование ему старой привилегии в отношении уплаты податей и сбора посохи объясняется не этой подделкой, а тем, что Иван IV неофициально придерживался текста грамоты 1566 г., исходя из положения, существовавшего в удельной части троицких вотчин (в противном случае непонятно совпадение пропуска постановления 11 грамоты 1550 г. в грамоте 1566 г. и в сгоревшей грамоте 1569 г.).

Такая позиция правительства не кажется неожиданной. Во-первых, в 1569 г. финансовая политика резко отличалась от политики 1550 г. Тогда Троице-Сергиев монастырь добился привилегии в порядке исключения, в 60-х же годах право уплаты податей в центре стало предоставляться крупнейшим монастырям шире (Кирилло-Белозерский монастырь, например, начал вносить подати в Большой приход с середины 50-х годов). Во-вторых, правительством было крайне заинтересовано в союзе с Троице-Сергиевым монастырем и не хотело вызывать недовольства троицких властей ограничением привилегий значительного числа монастырских вотчин, тем более, что это ограничение показало бы монастырю все преимущества удельно княжеского правления перед царским. В-третьих, восстанавливая для троицких вотчин, находившихся в пределах царства, старый порядок уплаты податей, правительство, следуя грамоте 1566 г., получало и известную компенсацию — отмену постановлений 5 и 11 грамоты 1550 г., которые содержали довольно существенные освобождения: право не возить к зеленым амбарам дрова и землю, не давать лошадей на ям, не строить ямские дворы (все эти повинности имели в условиях военного времени особое значение; распространяя их на многочисленное население троицких вотчин, правительство получало определенные выгоды).

Однако официально Иван IV после казни Владимира Андреевича Старицкого руководствовался, по-видимо-

му, не его грамотой 1566 г., а своей грамотой 1550 г., что и побудило монастырских старцев фальсифицировать подтвердительную подпись к ней.

Итак, каков же был объем податного иммунитета Троице-Сергиева монастыря накануне выдачи тарханной грамоты в апреле 1578 г.? Общий статус формально определялся грамотой 1569 г., вероятно, тождественной по содержанию иммунитетного раздела грамоте 1566 г. Монастырские земли не были освобождены от податей и посохи, но монастырь сам ведал их сбором. Кроме того, имелась грамота марта 1571 г., освобождавшая от податей лишь запустевшую часть троицкой вотчины. Октябрьская льготная грамота 1571 г. на ряд разоренных монастырских сел сохраняла силу только до 1 сентября 1574 г. Наконец, грамота мая 1577 г. запрещала брать с троицких владений «посошных людей к очным крепостям, к частику и ко всяким нашим делом». Следует, однако, учитывать, что грамота 1569 г. перестала играть в 70-х годах роль реального документа, так как сгорела в 1571 г. Таким образом, единственным общим документом, закреплявшим привилегии монастыря, оставалась грамота 1550 г., но ее существенно ограничивала подпись 1551 г.

Из всего сказанного видно, что юридическая основа троицкого иммунитета в 60—70-х годах была не блестящей. Она заметно ухудшилась после мая 1571 г., когда сгорела грамота 1569 г., и особенно после августа 1574 г., когда прекратилось действие октябрьской льготной грамоты 1571 г. Весь период с сентября 1574 г. до апреля 1578 г. можно считать временем последовательного обременения троицких вотчин податями и повинностями (с некоторым ослаблением этого нажима с мая 1577 г.).

Какую общую грамоту мог представить Троице-Сергиев монастырь в 1578 г.? Только грамоту 1550 г. Но в 1578 г. ее не сочли бы действительной без подтвердительной подписи от 17 мая 1551 г. Подлинная подпись содержала негодные монастырю ограничения. Потребовалась новая фальсификация подписи 1551 г. Вероятно, именно в списке 1578 г. грамоты 1550 г. была помещена подпись на имя Артемия (в список 1569 г. ее просто не включили, так как тогда при выдаче грамот не уделялось того внимания майским подписям 1551 г., какое мы наблюдаем в 1576—1578 гг.: в 1569 г. выдача новых грамот по старым не носила массового характера и производилась

без соблюдения выработанных общих принципов). Поместив в список 1578 г. грамоты 1550 г. майскую подпись 1551 г., редактор списка выпустил ограничительные пункты. Текст грамоты 1550 г. в кн. 528 основан, по-видимому, на списке 1569 г., в книге же 527 — на списке 1578 г.

После 1578 г. список 1569 г. с одним лишь безусловным подтверждением от 9 февраля 1551 г., наверное, больше устраивал монастырь, так как сокращенная подпись на имя Артемия, имевшаяся в списке 1578 г., выглядела не очень убедительно при сравнении ее с другими подтвердительными подписями на имя того же игумена.

Кн. 528 была составлена по частям между 1614 и 1641 гг., кн. 527 создавалась единовременно — в 1641 г.⁷⁷ В кн. 528 копия грамоты 1550 г. помещена на лл. 456—459, водяной знак которых датируется 1636—1638 гг.⁷⁸ Вся кн. 528, как и кн. 527, скреплена по листам архимандритом Адрианом. Однако в 1636—1638 гг. троицким архимандритом был не Адриан, а Нектарий⁷⁹. Грамота 1550 г. переписывалась в кн. 528 до окончательного оформления и проверки последней правительственными агентами в 1641 г. при новом архимандрите Адриане (1640—1656 гг.). В этом существенное отличие происхождения списка в кн. 528 от обстоятельств появления текста той же грамоты в кн. 527. В кн. 528 — список 1638 г. (со списка 1569 г.), не рассчитанный еще на строгий контроль и проверку его правительством. В кн. 527 — список 1641 г. (со списка 1578 г.), при составлении которого в условиях правительственного контроля было невозможно просто опустить подтверждение на имя Артемия.

Интересно, что в копиях книг середины XVII в. текст грамоты Владимира Андреевича 1566 г. приведен в известное соответствие с дефектным текстом грамоты 1550 г. В подлиннике грамоты 1566 г. в пересказе монастырского челобитья Василий II правильно назван Ва-

силием Васильевичем. В списках книг 527 и 528 (№ 113), как и в дошедших списках грамоты 1550 г., он фигурирует с отчеством «Иванович». В кн. 528 сказано, что Владимир Андреевич, выслушав грамоту Ивана IV, «Троицы живоначальные Сергиева монастыря архимарита Кирила з братею, или хто по нем у Троицы в Сергиеве монастыре иный игумен будет, пожаловал». «Игумен» — и в кн. 527. В подлиннике же правильно: «архимандри [т]».

Переделка слова «архимандрит» на «игумен» в формуле пожалования может быть объяснена только следованием тексту грамоты 1550 г., в которой нет термина «архимандрит» (настоятели Троице-Сергиева монастыря до 1561 г. посвящались в сан игуменов, с 1561 г. — в сан архимандритов). Особенно любопытна переделка текста в части, связанной с определением степени судебного иммунитета. В подлиннике грамоты 1566 г. сказано, что наместники не судят жителей троицких вотчин по прежним царевым и Владимира Андреевича грамотам «иных опричь душегубства, а иных опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным». В книгах 528 и 527 цитированный текст сокращен: «иных опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным». Снятием нюанса, имевшегося в подлиннике грамоты 1566 г., устанавливалось тождество формулировок рассматриваемого постановления в списках XVII в. с грамот 1550 и 1566 гг. Сознательную попытку монастыря подогнать текст грамоты 1566 г. под список грамоты 1550 г.⁸⁰ можно проследить и палеографически. Оказывается, в кн. 528 грамота 1566 г. начата на листе (202 об.) с тем же водяным зна-

⁸⁰ Н. Е. Носов не обратил внимания на обрывочность оборота «иных опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным» и сделал вывод о существенном ограничении судебного иммунитета монастыря в грамоте 1550 г. (Н. Е. Н о с о в. Указ. соч., стр. 235). Однако сравнение с грамотой 1566 г. показывает, что здесь речь шла о более компромиссном решении: «иных опричь душегубства, а иных опричь душегубства и разбоя с поличным и татьбы» (С. М. К а ш т а н о в. Общие жалованные грамоты..., стр. 139; ср. стр. 125). Поэтому вполне понятна ссылка на старые жалованные грамоты: отсутствие унификации предполагало соблюдение судебного иммунитета каждого владения в соответствии с действующими жалованными грамотами. Таким образом, в этой ссылке был определенный юридический смысл, а не просто «правительственная демагогия», как пишет Н. Е. Носов.

⁷⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 39—41; Л. И. Иванова. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 24. М., 1961, стр. 6, 22.

⁷⁸ Тромонин, № 1136, 1154, 1158, 1228.

⁷⁹ А. В. Горский. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. — ЧОИДР, 1878, кн. 4, стр. 140—141.

ком, что и на лл. 456—459, где переписана грамота 1550 г., т. е. документы копировались одновременно — около 1638 г.

Одновременность их переписки — важный показатель взаимосвязи, существовавшей между копированием грамоты 1550 г. и грамоты 1566 г. в кн. 528. Поддельная грамота 1566 г. под грамоту 1550 г., переписчик стремился усилить авторитетность не грамоты 1566 г., а грамоты 1550 г. Грамота 1566 г. представляла для монастыря гораздо меньший интерес из-за своего удельного происхождения и ограниченного радиуса действия. Грамота же 1550 г. была царской и общей — на всю вотчину. Однако у нее были недостатки — она сохранилась не в подлиннике и имела ряд сомнительных чтений. Грамоту 1566 г., вероятно, рассматривали в монастыре как своего рода критерий истинности грамоты 1550 г. Поэтому-то монастырь и решил сделать этот критерий более соответствующим тому документу, который по нему проверялся.

Предполагать, что корректировка текста производилась для усиления авторитета грамоты 1566 г., нет оснований. При наличии достаточно авторитетной грамоты 1550 г., перекрывавшей по существу действие грамоты 1566 г., всякие манипуляции с последней были бы не нужны. Неосознанное искажение подлинника в данном случае исключается из-за психологической необходимости «описок» (например, замены слова «архимандрит» словом «игумен» в монастыре, где давно правили архимандриты), а главное — из-за полного соответствия их тексту списков грамоты 1550 г. Л. И. Ивина отмечает лл. 456—459 и 202 кн. 528 в числе тех, которые были переписаны около 1641 г., но являлись простыми заместителями обветшавших, по ее мнению, листов книги 1615 г.⁸¹

Приняв эту гипотезу, надо будет отнести редактирование грамоты 1566 г. в соответствии с текстом грамоты 1550 г. к 1614—1615 гг. Однако совпадение водяных знаков лл. 202 и 456—459, говорящее об одновременной переписке грамот 1566 и 1550 гг. в 1638 г., позволяет усмотреть здесь не простое воспроизведение списков 1614—1615 гг., в которых обветшали листы, а сознательную работу над текстом, преследовавшую определенные цели.

⁸¹ Л. И. Ивина. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в., стр. 7, прим. 9.

§ 7. Грамота 1550 г. как источник грамоты 1578 г.

В какой мере грамота 1550 г. послужила источником грамоты 1578 г.?

Надо заметить, что хотя в грамоте 1578 г. и приводился текст никогда не существовавшей щедрой тарханной грамоты, нормативная часть грамоты отнюдь его не повторяет. Судя по изложению монастырской челобитной в грамоте 1578 г., троицкие власти просили царя «велети дати им свою... грамоту тарханную такову ж, какова у них наша прежняя жалованная грамота». Можно было бы ожидать, что новый нормативный текст и явится повторением цитированной в документе «грамоты». Сравнив, однако, основные податные постановления «прежней... грамоты» и грамоты 1578 г., мы увидим здесь существенные несоответствия⁸².

Такое же несоответствие между текстом «прежней» жалованной грамоты и нормативной частью обнаруживается в упоминавшихся ранее грамотах ноября 1576 г. Спасо-Евфимьеву и Владимирскому Рождественскому монастырям. Нормативная часть содержит менее широкие и всеобъемлющие пожалования, чем текст так называемых «прежних» грамот. Особенно интересен вопрос о ямских деньгах. В «прежних» грамотах указано безусловное освобождение от них — «ни ямских денег»; в нормативной части грамот Спасо-Евфимьеву, Владимирскому Рождественскому и Троице-Сергиеву монастырям говорится: «ненадобе им... ямщина». С нормативной частью троицкой грамоты совпадает в главном и текст упоминавшейся грамоты 1578 г. суздальскому епископу. Там тоже предоставляется освобождение не от «ямских денег», а от «ямщины». Казалось бы, по своему месту в грамоте постановление о «ямщине» заменяет постановление о ямских деньгах.

Этот вывод внешне подкрепляется и постановлением, освобождающим от стояния на яму с подводами: наличие в грамоте этого постановления на первый взгляд исключает интерпретацию «ямщины» как натуральной повинности. Однако внимательное рассмотрение постановле-

⁸² С. М. Каштанов. Общие жалованные грамоты..., стр. 126—127.

ния о невъезде сборщиков приводит к другому выводу. В троицкой грамоте 1578 г. текст этого постановления не дает прямого ответа на поставленный вопрос о ямщине и ямских деньгах.

Полную редакцию рассматриваемого постановления находим в грамотах Владимирскому Рождественскому монастырю (1576 г.) и суздальскому епископу (1578 г.). В них сказано: «И денежные зборщики и посланники в их вотчину по данные деньги не въезжают; платят оне ямские деньги в нашу казну сами на Москве». Это постановление при наличии в грамотах освобождения от ямщины и от обязанности стоять на яму с подводами, позволяет понять, что «ямщина» — отнюдь не синоним ямских денег. Ямские деньги существовали независимо от «ямщины» и выплачивались Рождественским монастырем и суздальской епископской кафедрой в Москве. Вероятно, именно такой порядок взимания ямских денег предполагался и с вотчины Троице-Сергиева монастыря в грамоте 1578 г.

Действительно, постановления о ямщине, подводах и невъезде сборщиков в троицкой грамоте 1578 г. целиком совпадают с постановлениями грамот Рождественскому монастырю и суздальскому епископу. В троицкой грамоте отсутствует только конкретное указание относительно уплаты ямских денег в Москве. Однако какой иной вывод можно сделать из постановления о невъезде, если, во-первых, «ямщина» — это не ямские деньги, во-вторых, освобождения от ямских денег в грамоте нет, в-третьих, денежным сборщикам запрещено въезжать в троицкую вотчину? Ясно, что, несмотря на отсутствие в постановлении о невъезде заключительной фразы, имеющейся в соответствующих местах грамот Рождественскому монастырю и суздальскому епископу, принцип уплаты ямских денег в Москве здесь подразумевается.

Троицкая грамота 1578 г. получила полное подтверждение нового царя Федора Ивановича 3 мая 1584 г. Через 5 месяцев, 25 сентября 1584 г., правительство разослало по городам серию грамот, запрещающих местным финансовым властям въезжать в пределы троицких владений. Монастырю разрешалось «наши всякие доходы платити в нашу казну самим»⁸³. Несколько раньше (16 сентября)

была отправлена грамота в Переславль-Залесский⁸⁴. В ней говорилось, что к царю обратился с челобитной архимандрит Троице-Сергиева монастыря, который сослался на грамоту Ивана IV, подписанную на имя Федора. Содержание этой грамоты изложено так: «В их монастырскую вотчину и в киржятцкую нашим посланником и розсылщиком и губным старостам и городовым приказщиком для наших денежных доходов не въезждати и к денежному збору и к тамгам их троецких крестьян не имати; а наши всякие доходы велено им, збирая, платити в нашу казну самим на Москве». Далее отмечено, что губные старосты, городовые приказчики и посланники «по всем городом» стали в троицкую вотчину въезжать и выбирать монастырских крестьян «к денежным збором и к тамгам».

Монастырь просил «по прежней отца нашего и по нашей жаловальной грамоте в троецкую вотчину нашим посланником и городовым приказником и губным старостам и розсылщиком въезждати не велети, и к денежному збору и к нашим ко всяким делом и к тамгам целовальников не имати». Отвечая на эту просьбу, правительство запретило городовым приказчикам, их рассыльщикам и целовальникам въезжать в троицкие владения «для наших всяких денежных доходов», «а наши ямские деньги и всякие наши подати с тое их троецкие вотчины велели есмь им платити самим на Москве по прежним нашим жаловальным грамотам»; предписывалось также «ко всяким доходом и к тамгам троецких крестьян в целовальники не брать».

«Прежние» грамоты фигурируют в приведенной грамоте в трех местах: сначала названа грамота Ивана IV, подписанная на имя Федора; затем грамота определена как «отца нашего и наша»; в заключение упоминаются «прежние наши жаловальные грамоты». Ясно, что раз однотипные указные грамоты были отправлены в ряд городов, значит ссылка на предшествующие акты могла относиться в них только к общим жалованным грамотам. Из общих троицких грамот Ивана IV, соответствующих содержанию указных грамот 1584 г., можно назвать две: грамоту 1550 г. и грамоту 1578 г. Подобных жалованных грамот Федора за время между мартом и сентябрем 1584 г. нет. Поэтому ссылку на прежние «наши жаловальные грамоты» нельзя здесь понимать буквально. Она объяснима в свете более ранней ссыл-

⁸³ К а ш т а н о в. Копийные книги, стр. 40.

⁸⁴ ЦГАДА, ГКЭ, по Переславлю-Залесскому, № 284/9008.

ки на «отца нашего и нашу» грамоту: грамота Ивана IV, подписанная на имя Федора, становилась в известном смысле и грамотой самого Федора. Остается разобраться, какая из грамот Ивана IV имела в виду. За грамоту 1550 г. говорит следующее: 1) упоминание, наряду с общетроицкой вотчиной, вотчины Киржацкого монастыря, 2) постановление об уплате ямских денег в Москве. Против нее свидетельствует отсутствие в ней: 1) подписи на имя Федора, 2) специального постановления о невъезде денежных сборщиков, 3) постановления о том, чтобы не брать троицких крестьян в целовальники к денежному сбору и тамгам. За грамоту 1578 г. говорит: 1) подпись на имя Федора от 3 мая 1584 г., 2) наличие постановления о невъезде сборщиков, 3) наличие запрещения брать в целовальники «к губному делу и к денежному, ни в тамги, ни к мыту, ни к збору и к перевозу». Против: 1) отсутствие ссылки на киржацкую вотчину, 2) отсутствие фразы об уплате ямских денег в Москве.

Вероятно, в ссылке указных грамот подразумеваются обе грамоты — грамота 1578 г. (как подписанная на имя Федора) и грамота 1550 г. (постольку, поскольку в ней недвусмысленно декларировано право монастыря платить ямские деньги в Москве). Слияние в изложении указных грамот воедино содержания актов 1550 и 1578 гг. свидетельствует о том, что нормы грамоты 1578 г. по существу покрывали собой нормы грамоты 1550 г.⁸⁵

Соблюдение властями этих норм накануне нарушения монастырских привилегий в 1584 г. вырисовывается из всего контекста указных грамот 1584 г.

В указных грамотах 1584 г. речь, конечно, шла в основном о грамоте 1578 г., грамота 1550 г. интересовала новое правительство только в качестве авторитетной исторической справки для уяснения постановления о невъезде сборщиков в грамоте 1578 г.

Таким образом, можно считать доказанным, что грамота 1578 г., запрещая въезд в троицкие вотчины денежных сборщиков, подразумевала уплату монастырем ямских денег в Москве. Это означает совпадение главного податного постановления грамоты 1578 г. с постановлением грамоты 1550 г. о ямских деньгах. При сравнении грамоты

⁸⁵ Подробнее см.: С. М. К а ш т а н о в. Общие жалованные грамоты..., стр. 129.

1578 г. с грамотами 1566 и 1569 гг. мы уже не видим того соответствия рассматриваемых норм, которое наблюдается в грамотах 1578 и 1550 гг. Судя по формулярам грамот Рождественскому монастырю и суздальскому епископу, а также по указным грамотам 1584 г., Троице-Сергиев монастырь должен был платить ямские деньги «в нашу казну... на Москве». Абсолютно тождественное указание находим в грамоте 1550 г. По грамоте же 1569 г. часть денег надлежало платить «на Москве, а иные в Слободе». В грамоте 1566 г. употреблено выражение, взятое из грамоты 1550 г. («... плотят они ямские денги на Москве в нашу казну сами»), но имеется в виду удельнокняжеская казна. В грамотах 1566 и 1569 гг. нет разрешения не стоять на яму с подводами, а в грамоте 1578 г. оно есть; есть оно и в грамоте 1550 г. Следовательно, если в 1578 г. правительство учитывало предшествующие жалованные грамоты, то, во всяком случае, оно в большей степени учитывало грамоту 1550 г., чем грамоты 1566 и 1569 гг. Это и побуждало монастырь фальсифицировать подтверждение 1551 г. к грамоте 1550 г. Решить до конца вопрос относительно использования текста грамоты 1550 г. в 1578 г. не представляется возможным, ибо грамота 1578 г. в нормативной части, так же как и во вступительной, построена по формуляру общей редакции 1576 г., отраженной в грамотах Спасо-Евфимьеву и Рождественскому монастырям. Содержание податной части грамоты 1550 г. без ограничения 1551 г. в главном соответствовало этой редакции. Правительство не интересовалось ограничительной сущностью подтверждения 1551 г. к грамоте 1550 г. Значит, в 1578 г., как и в 1569 г., объективно получилось так, что монастырская фальсификация была совершена скорее для создания благовидной проформы, чем для реального обмана правительства. Но субъективно монастырские власти сознательно шли на обман в определенных корыстных целях, и фальсификация, возможно, помогла им добиться выдачи грамоты.

§ 8. Вопрос о «ветхих» грамотах в 1578 г.

В 1578 г., когда происходила выдача новых грамот по старым, в том числе и «ветхим», текст грамоты 1550 г., даже без ограничений, не соответствовал программе-максимум монастыря. Поэтому у монастырских властей возник-

ла идея реализовать старые подтвержденные в 1551 г. грамоты с более широкими привилегиями. Какие же грамоты монастырь мог с этой целью использовать? Грамоты XVI в. не подходили, так как все те из них, которые содержали освобождение от податей, получили в мае 1551 г. ограниченную подпись, ликвидировавшую податной тархан. Оставалось обратиться к «ветхим» грамотам XV в. Из общего весьма внушительного числа сохранившихся троицких жалованных грамот XV в. (свыше 200) — документов, подтвержденных в мае 1551 г., сравнительно мало (25)⁸⁶, среди них с податными привилегиями — 13⁸⁷. Объекты пожалования девяти из них названы в троицкой грамоте 1544 г.⁸⁸ На объекты грамот № 7, 9 (здесь и далее ссылаемся на номера в таблицах 3—5, помещенных в нашей статье о троицких грамотах⁸⁹) имелись, кроме грамоты 1544 г., еще и другие грамоты XVI в., фиксировавшие их податной статус: грамота 1517 г. на дворы «у Соли у Переславские» с четырьмя троицкими и одной киржацкой варницей⁹⁰, грамота 1534 г. на двор в Кашине⁹¹.

Грамоты № 10—13, чьи объекты пожалования не упоминаются в грамоте 1544 г., были по существу заменены новыми грамотами XVI в., и объекты, указанные в них, имели податной и таможенный статус, определенный новыми, а не старыми грамотами (см. там же, табл. 4). Поэтому подтверждение в 1551 г. части грамот XV в. нейтрализовалось подтверждением грамот XVI в. на те же объекты. Грамоте № 7 противопоставлена грамота 1517 г., подтвержденная в 1551 г.; грамоте № 9 — грамота 1534 г., тоже подтвержденная в 1551 г.; грамотам № 12, 13 — грамоты 1534 и 1545 гг., подтвержденные в 1551 г.

Грамоты № 1—6, 8, 10 на объекты, упомянутые или подразумеваемые в грамоте 1544 г., не могли быть в 1551 г. прямо противопоставлены грамоте 1544 г., так как последняя потеряла силу в марте 1548 г. Но они фактически про-

тивопротивопоставлялись новой общей грамоте 1550 г., не перечисляющей конкретно монастырские владения; грамота же 1550 г. содержала ограничительное подтверждение 1551 г. Грамота № 11 противопоставлена грамоте 1504 г., не подтвержденной в 1551 г. Села, фигурирующие в грамоте № 11 и грамоте 1504 г., к середине XVI в., вероятно, вышли из состава троицкой вотчины. Во всяком случае, они не упомянуты в общих грамотах Троице-Сергиеву монастырю 1544 и 1545 гг.⁹² Может быть, поэтому правительство и не подтвердило действующую грамоту 1504 г. (подтвержденную в 1534 г.), а подтвердило — только номинально — старую грамоту 1501 г. Так или иначе, но действие и этих грамот перекрывалось действием подтвержденной с ограничением в 1551 г. общей грамоты 1550 г.

Табл. 5 показывает, что освобождения от налогов, зафиксированные в подтвержденных грамотах XV в., не имели реального значения, так как содержание последующих грамот на те же объекты было совсем иным. Щедрая грамота № 3 была ограничена еще в XV в. скупой грамотой № 4 на те же объекты. Грамота № 7 ограничивалась грамотой 1517 г. Вследствие полного подтверждения в 1551 г. новых скупых и старых щедрых грамот все они оказались формально равноценными, но реальная сила оставалась за новыми грамотами как действующими.

Номинальный характер полного подтверждения грамот № 9, 12, 13 выясняется из ограничительных подписей 1551 г. к грамотам XVI в. на те же объекты. Владения, указанные в других грамотах, подчинялись общим для троицкой вотчины нормам: с 1548 г. с них стали взиматься основные налоги и повинности, в 1550 г. сбор ямских денег и посошных людей перешел в руки монастырских властей, в 1551 г. троицкие вотчины оказались в положении, создававшемся еще в 1548 г., после прекращения действия грамоты 1544 г.

П. П. Смирнов объяснил полное подтверждение в 1551 г. грамот XV в. «доверием» к ним правительства⁹³.

⁹² ГБЛ, Тр. кн. 527—529, № 288, 292.

⁹³ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М., 1947, стр. 128. Фактически к такому же выводу пришел Н. Е. Носов в отношении грамот Ивана III: «...Троицкие тарханы Ивана III ни в селе, ни в городе майские подтверждения не „поручали“» (Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 128). Отсюда следует заключение, что новые соборные уложения 1549—

⁸⁶ АСЭИ, т. I, № 246, 247, 304, 318, 319, 327, 346, 354, 356, 412, 414, 417, 455, 462, 491, 492, 497, 498, 519, 530, 561, 568, 631, 637; см. также ниже ч. V, № 22.

⁸⁷ АСЭИ, т. I, № 246, 247, 304, 318, 346, 412, 455, 491, 492, 519, 530, 568, 637.

⁸⁸ С. М. Каштанов. Общие жалованные грамоты..., стр. 132, табл. 3.

⁸⁹ Там же, стр. 132—135.

⁹⁰ ААЭ, т. I, № 164.

⁹¹ ГПБ, Собр. актов и грамот, № I—106.

Из произведенных сопоставлений видно, что это «доверие» стоило дешево, ибо подтверждение старых грамот имело чисто формальное значение, а реальное положение дел определялось новыми документами и подписями к ним.

В 1578 г. монастырь обратился к «ветхим» грамотам потому, что они соответствовали формальным требованиям момента — содержали важные податные освобождения и были целиком подтверждены в 1551 г. Других таких грамот монастырь не имел. Отсюда понятной становится двусмысленность монастырского челобитья, изложенного в грамоте 1578 г., которая, с одной стороны, говорит о «нашей прежней жалованной грамоте» (подразумевается, очевидно, грамота 1550 г.), а с другой стороны, ссылается на ветхие грамоты, называя их «нашими», хотя несколько выше они явно выступают как «грамоты... прародителей наших, великих князей, и деда нашего, и отца нашего, и наши». Конечно, тут имелись в виду подтвержденные в 1551 г. грамоты XV в., вновь ставшие орудием монастырской борьбы за иммунитет.

«Ветхие» грамоты XV в. утратили ко второй половине XVI в. практическое значение, поэтому известие об их нарушении отражает только маневр монастыря — этими

документами никто не руководствовался. Грамоты «отца нашего» (Василия III) Троице-Сергиеву монастырю не фиксировали бессрочного освобождения от главнейших податей⁹⁴. Грамоты же 1534—1550 гг., содержавшие важные податные привилегии, получили в 1551 г. ограничительную подпись⁹⁵. Следовательно, все жалобы на нарушение этих грамот в 1570-х годах были неосновательны: они нарушались до и после 1551 г. Единственно, на что мог жаловаться монастырь, это на нарушение грамоты 1569 г., но он не решался всерьез оперировать ссылками на нее, так как она сгорела в 1571 г.

Значит, апрельская грамота 1578 г. Троице-Сергиеву монастырю, рассмотренная в совокупности с другими относящимися к ней источниками, не дает возможности считать именно 1576 г. временем нарушения троицких привилегий (скорее нужно отметить 1574 г.) и не вскрывает (в силу своей литературной формы) действительного характера и объема упоминаемых нарушений — возможно, они производились в течение всего периода 60—70-х годов и не выходили за рамки того ограничения иммунитета, которое допускалось троицкими грамотами второй половины XVI в.

В общей троицкой грамоте 1577 г. есть сведения о состоянии троицкого иммунитета перед 1577 г., т. е. в 1576 г. Здесь сказано, что с вотчин Троице-Сергиева монастыря «...правят пососных людей к очным крепостям, к частику и ко всяким делом». В грамоте не говорится, каким образом взимались пососные люди — монастырской администрацией или непосредственно местными властями; сам сбор пососных людей не квалифицируется как форма нарушения монастырских жалованных грамот; грамота 1577 г. предоставляет полное освобождение от поставки пососных «к береговому делу...» и т. д., а не регламентирует порядок их взимания.

Сопоставление этих обстоятельств позволяет заключить, что до 1577 г. сбор пососных с троицких вотчин не противоречил содержанию жалованных грамот, имевших юридическую силу и фактическое значение во второй половине XVI в. В самом деле, грамоты 1550 и 1569 гг.

⁹⁴ XII, I, № 46, 51, 67, 89, 90, 99, 102, 103 и др. Ср.: Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 132—152.

⁹⁵ XII, I, № 318, 319, 322, 323, 327—333, 339 и др. Ср.: Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 158—239.

1551 гг. не распространялись на старые сельские и городские владения Троице-Сергиева монастыря (там же, стр. 132). Ошибка автора состоит в рассмотрении грамот времени Ивана III в отрыве от позднейших грамот на те же объекты и общих грамот 1544 и 1550 гг. на всю троицкую вотчину. Так, Н. Е. Носов, изучая подтвержденные, не содержащие податных ограничений подписи 1534 и 1551 гг. к грамоте 1501 г. на двор и поляну в Кашине (АСЭИ, т. I, № 637), говорит, что «постановления о „новых слободах“ Судебника 1550 г. не распространялись на монастырские городские купли начала XVI в., времени правления Ивана III» (Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 126—128). При анализе грамот Елены Глинской автор отмечает, что грамота 1534 г. на двор и поляну в Кашине (ГПБ, Собр. актов и грамот, № I—106, старый № 94) была в 1551 г. подтверждена с резким ограничением податного и судебного иммунитета (Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 168—169), и далее пишет: «Итак, майская ревизия 1551 г. по существу полностью ликвидировала судебный и податный иммунитет для населения троицких городских и посадских дворов (= белых слобод...)» (там же, стр. 169). Но грамоты 1501 и 1534 гг. касались одного и того же двора. В грамоте 1501 г. читаем: «Что их двор купля с поляною Федосьинской Казариновы в Кашине на посаде...»; в грамоте 1534 г.: «Что их двор купля с поляною Феодосьинской Казариновы в Кашине на посаде...». Этот и другие случаи совпадения объектов пожалования старых и новых грамот, подписанных в 1551 г., указывались в нашей статье 1966 г.

закрепляли обязанность монастыря давать посошных людей, и события 1576 г., кажется, не внесли в этот вопрос ничего нового⁹⁶.

* * *

Суммируем методические и конкретно-исторические наблюдения, полученные в III части работы, используя также материал статей на эту тему, опубликованных отдельно от данной монографии.

Наличный состав сохранившихся документов позволяет считать, что в 1575/76 г. Симеон не выдавал жалованных грамот, а Иван IV выдавал их, во-первых, как «царь» — на земли Казанского и Свияжского уездов, во-вторых, как удельный князь — на земли Белозерского (до апреля 1576 г.) и Старицкого уездов, и, кроме того, он определял выдачу жалованных грамот валашским воеводой Богданом Александровичем — на земли в районе Луха. Общее снижение числа иммунитетных грамот в 1575/76 г. по сравнению с 1574—1575 гг. шло не столько за счет сокращения выдачи собственно жалованных грамот, сколько за счет прекращения выдачи иммунитетных указных грамот и грамот должностных лиц.

В изучаемый период официально соблюдались старые жалованные грамоты, подтвержденные в 1551 г., о чем свидетельствует ссылка троицкой грамоты мая 1576 г. на прежнюю «большую» грамоту (1545 г.)⁹⁷.

Грамоты конца 1576—1578 гг., говорящие о нарушении прежних тарханских грамот, очень часто представляют юридический статус монастырских вотчин в фальсифицированном виде, ссылки на прежние «тарханские» грамоты носят фиктивный характер. Так, не имел действующих тарханских грамот сосланный на них Владимирский Рождественский монастырь. Кирилло-Белозерский монастырь, жаловавшийся на сбор с его вотчин податей и посохи вопреки жалованной грамоте, не располагал в первой половине 70-х годов какой-либо общей грамотой, которая освобождала бы принадлежавшие ему

земли от податей и посохи. Наоборот, выясняется, что по указам 1573/74 г. со всех владений монастыря «з живущаго» взымались посошные люди и деньги ямские, приметные, за городовое, засечное и ямчужное дела; податные привилегии содержались только в грамотах Ивана IV 1576 г. на белозерские и дмитровские вотчины, входившие в удел. Грамота Троице-Сергиеву монастырю 1578 г. вместо ссылки на документы, фиксировавшие реальный иммунитетный статус монастырских вотчин во второй половине XVI в., ссылается на все вообще монастырские «ветхие» грамоты, освобождавшие его от податей. Но эти грамоты нарушались еще до 1551 г. Николаевский Корельский монастырь (см. грамоту 1578 г.), пытаясь подвести весь комплекс своих владений под действие «прежней» грамоты (1540 г.), касавшейся только части этих владений, передавал ее содержание явно недостоверно. Точно так же искажал он финансовую сущность постановления 1540 г.⁹⁸ В *narratio* грамоты 1578 г. суздальскому епископу подтасовано содержание грамоты Василия III (упомянуты такие налоги, которых не было в первой трети XVI в.)⁹⁹.

Сложность проблемы заключается в том, что мы изучаем не челобитья феодалов-иммунистов в подлиннике или аутентичной копии, а их изложение в составе жалованных грамот, т. е. в той или иной мере принятую правительством версию, отредактированный или заново составленный текст, по-видимому, существенно отличающийся от текста подлинных челобитий, которые до нас не дошли. И тут наблюдается интересное явление. Правительство подчас сознательно следует фальсифицированной версии, а иногда кладет в основу *dispositio* новой грамоты текст старой грамоты, искаженный челобитчиком, например, лишенный ограничительной подписи 1551 г., хотя и знает об искажении.

Более того, удалось установить наличие общей редакции *narratio* жалованных грамот некоторым крупным монастырям (Спасо-Евфимьеву, Рождественскому, Троице-Сергиеву), где в совершенно одинаковых выражениях излагается содержание «прежних» грамот и в столь же трафаретной форме описывается их нарушение (в Спасо-Евфимьевской грамоте нарушения не упоминаются). Здесь,

⁹⁸ РИБ, т. 32, № 277; ср. Сб. ГКЭ, т. II, № 86а.

⁹⁹ АИ, т. I, № 200.

⁹⁶ О грамотах на казанско-свияжские вотчины Троице-Сергиева монастыря см.: С. М. К а ш т а н о в, А. Л. Л и т в и н. К проблеме достоверности исторических источников. — «Из истории Татарии. Краеведческий сборник». Казань, 1965, стр. 298—305.

⁹⁷ XII, II, № 998; ср. XII, I, № 484.

с одной стороны, дается фиктивный «сводный текст» прежних грамот разным монастырям, не восходящий ни к одной из сохранившихся грамот этим монастырям, с другой стороны, вместо картины реальных нарушений старых грамот преподносится формулярно-детализированный перечень всевозможных нарушений, совершенных как бы по пунктам «сводного текста» и в одинаковом объеме в разных монастырских вотчинах. Очевидно, это литературный шаблон, выработанный самим правительством для *narratio* грамот определенным монастырям и отсутствовавший в подлинных челобитьях, если они вообще имелись.

Следовательно, правительство выдавало новые грамоты в известной мере независимо от челобитий заинтересованных лиц и корпораций. Наличие грамот 1576—1578 гг., выданных вне связи с нарушениями прежних привилегий (грамоты Спасо-Евфимьеву, Иосифо-Волоколамскому монастырям и др.), показывает, что иммунитетная политика этого времени не была простым ответом на жалобы о разорении и нарушении грамот. Она имела свои особые цели. Это позволяет иначе взглянуть на те грамоты 1576—1578 гг., которые содержат жалобы на совершенные местными властями насилия. Жалоба была только поводом для выдачи грамоты, причины же коренились в новом направлении иммунитетной политики.

Отсюда допустимо предположение, что некоторые корпорации с нарушенными привилегиями не получили грамот в 1576—1578 гг. по причинам политического характера и вместе с тем при выдаче грамот ряду феодалов могли опять-таки по политическим причинам сводиться воедино все прежние разновременные нарушения в качестве повода для предоставления грамоты. Последнее можно доказать совокупностью наблюдений над изученными грамотами. Во-первых, далеко не все случаи тяжелого финансового положения иммунитетов связаны с нарушением прежних жалованных грамот. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев нарушение жалованных грамот не является единственной причиной подрыва феодального иммунитета. В-третьих, чаще всего нарушения касались грамот, утративших юридическую силу после 1551 г. или физически попорченных и уничтоженных. В-четвертых, в ряде случаев в *narratio* грамот конца 1576—1578 гг. в виде нарушений представляются такие действия, кото-

рые юридически не являлись нарушениями, или такие, которые имели оправдание в дефектности старых грамот, потере ими юридической силы (мы наблюдаем единственный случай нарушения бесспорного документа — грамоты 1574 г. Клинской Изосиминой пустыни¹⁰⁰). В-пятых, невозможно точно датировать нарушения, отмеченные в грамотах: одни из них произошли уже после сведения Симеона Бекбулатовича — в конце 1576—1578 гг., другие имеют расплывчатую хронологию.

Из этого следует, что никакой официальной отмены тарханов при Симеоне Бекбулатовиче не было, однако активизация местных налоговых сборщиков, возможно, инспирировалась сверху или, во всяком случае, поощрялась прекращением выдачи в 1575/76 г. указных грамот о несборе податей с запустевших владений.

Анализ рассмотренных выше грамот подводит нас к весьма важному источниковедческому выводу общего характера: *narratio* актов, и в частности изложение монастырских челобитий в жалованных грамотах, дает картину, далеко не адекватную действительности. Хитроумные и, казалось бы, точные ссылки на предшествующие грамоты, основываясь на какой-то частице правды, часто настолько искажают реальный юридический статус монастыря, что требуют самой тщательной проверки. Основа последней состоит в максимальной мобилизации источников по тому вопросу, который затрагивается в челобитье, в привлечении всех предшествующих грамот, и главное — в сравнительном анализе *dispositio* изучаемых и предшествующих им грамот.

Разобранные здесь свидетельства документов позволяют сказать, что юридические претензии, изложенные феодалами, далеко не всегда были основательными, и если правительство все же выдавало им грамоты, то причины этого были не те, что указаны в *narratio* грамот, и выявлять их надо не с помощью буквального толкования *narratio* грамоты, ибо выводы окажутся в таком случае ошибочными, а на путях всеобъемлющего синтеза — посредством изучения целей политики правительства, его взаимоотношений с феодалами, экономического и политического положения в районах, где находились объекты пожалования.

¹⁰⁰ XII, II, № 1058; ср. XII, III, № I—446.